

Häberl C. The Neo-Mandaic Dialect of Khorramshahr. Harvard University, Cambridge (Mass.), 2006 [неопубликованная диссертация].

Macuch R. Anfänge der Mandäer // F. Altheim, R. Stiehl (Hrsg.). Die Araber in der Alten Welt. Berlin, 1965, Bd. II.

Macuch R. Handbook of Classical and Modern Mandaic. Berlin, 1965.

Macuch R. The Origins of the Mandaeans and Their Script // JSS, 1971, vol. 16.

Macuch R. Zur Sprache und Literatur der Mandäer // Studia Mandaica, 1976, Bd. 1.

Macuch R. Neumandäische Chrestomathie. Wiesbaden, 1989.

Naveh J. The Origin of the Mandaic Script // BASOR, 1970, vol. 198.

Nöldeke Th. Mandäische Grammatik. Halle, 1875.

Rosenthal F. Mandäisch // Die aramäistische Forschung seit Th. Nöldekes Veröffentlichungen. Leiden, 1939.

Rudolph K. Mandaeism. Leiden, 1978.

Rudolph K. Die Mandäer Heute. Eine Zwischenbilanz ihrer Erforschung und ihres Wandels in der Gegenwart // ZRW, 1994, Bd. 2.

Yamauchi E.M. Mandaic Incantation Texts. New Haven, 1967.

С л о в а р и

Drower E.S., Macuch R. A Mandaic Dictionary. Oxford, 1963.

И з д а н и я т е к с т о в

Buckley J.J. The Scroll of Exalted Kingship, *Diwan Malkuta 'Laita*. New Haven, 1993.

Drower E.S. A Mandaean Book of Black Magic (transliterated and translated) // JRAS, 1943.

Drower E.S. *Asfar/Sfar Malwāšia*. The Book of the Zodiac. London, 1949.

Drower E.S. *Diwan Abathur*. Text and translation. Città del Vaticano, 1950.

Drower E.S. *Haran Gawaita* and the Baptism of Hibil-Ziwa. Città del Vaticano, 1953.

Drower E.S. The Canonical Prayerbook of the Mandaeans: Translation with Notes. Leiden, 1959.

Drower E.S. *Alf Trisar Šuialia*. The Thousand and Twelve Questions: Transliteration, Translation and Commentary. Berlin, 1960.

Drower E.S. *Šarh d Qabin d Šišlam Rba*. Explanatory Commentary on the Marriage-ceremony of the Great Šišlam: Translation, Facsimile Text. Leiden, 1962.

Drower E.S. A Pair of Naṣoraean Commentaries (*Alma Rišaia Rba, Alma Rišaia Zuṭa*). Text with Translation and Notes. Leiden, 1963.

Gordon C.H. Aramaic and Mandaic Magical Bowls // ArOr, 1937, vol. 9; 1952, vol. 20.

Lidzbarski M. *Ginzā*, der Schatz oder das große Buch der Mandäer. Göttingen, 1925.

Lidzbarski M. Mandäische Liturgien, mitgeteilt, übersetzt und erklärt. Berlin, 1962.

Lidzbarski M. Das Johannisbuch der Mandäer. Gießen, 1966.

Müller-Kessler Ch. Interrelations between Mandaic Lead Scrolls and Incantation Bowls // Tz. Abusch, K. van der Toorn (eds.). Mesopotamian Magic: Textual, Historical, and Interpretative Perspectives. Groningen, 1999.

Rudolph K. Der Mandäische "Diwan der Flüsse". Berlin, 1982.

А.К. Лявданский

НОВОАРАМЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Новоарамейские языки (Н.я.; англ. *Neo-Aramaic languages, Modern Aramaic languages*, нем. *das Neuaramäische*, франц. *le néo-araméen*) — собирательный термин для всех живых разновидностей арамейских языков, противопоставляемых классическим арамейским языкам/диалектам, известным исключительно по письменным текстам. В научной литературе XIX — первой половины XX в., а иногда и в настоящее время христианские Н.я. нередко обозначались как «новосирийский», «современный сирийский» (англ. *Neo-Syriac, Modern Syriac*, нем. *die neusyrische Sprache*, франц. *syriaque*

moderne) или «разговорный сирийский» (англ. *vernacular Syriac, colloquial Syriac*). О многочисленных вариантах названий отдельных языков и диалектов см. раздел 4.

2. Общим для Н.я. является то, что большинство их носителей — представители религиозно-этнических меньшинств, вплоть до последнего времени живших в странах мусульманского Востока (Сирия, Турция, Иран и Ирак). Среди носителей Н.я. есть приверженцы иудаизма, мандеизма и христианства. Последние делятся на ассирийцев (или несториан, Церковь Востока), халдеев (халдео-католиков, Халдейская католическая церковь), яковитов (Сирийская Церковь) и сиро-католиков (Сирийская католическая церковь). Носители этих диалектов, по-видимому, не раз мигрировали, оставаясь тем не менее в пределах исторической области распространения арамейского языка. Ряд событий в истории этого региона в XX — начале XXI в. привел к тому, что большинство носителей Н.я. покинули исторические области проживания и рассеялись по всем пяти континентам. Некоторые из Н.я. прекратили свое существование, часть из них находится на грани вымирания.

Н.я. распространены в странах Ближнего Востока (Сирия, Турция, Иран и Ирак), Закавказья (Грузия и Армения), большинстве развитых стран Европы и Америки, а также в Израиле, России и Австралии.

Автохтонная территория распространения Н.я. включает: 1) район гор Антиливана в Сирии, где проживают носители западных Н.я., 2) Юго-Восточную Анатолию, включая пров. Мардин (горы Тур-Абдин, где распространен язык турой), Диярбакыр, Батман, Сирт и Сыртак, 3) курдистанские горы, расположенные в Восточной Анатолии (Турция), на севере Ирака и в Северо-Западном Иране, 4) Иранский Азербайджан (к западу и северо-западу от оз. Урмия); 5) Мосульскую равнину в Северном Ираке, 6) пров. Хузестан в Юго-Западном Иране и примыкающий район р. Шатт-эль-Араб в Юго-Восточном Ираке (историческая область распространения мандейского языка). В XIX — начале XX в. в результате массовых миграций христианского населения область распространения Н.я. стала включать некоторые населенные пункты в Армении и Грузии, ряд крупных городов Ирака и Ирана, а также район р. Хабур в Северо-Восточной Сирии, где поселились христиане-несториане, выходцы из Юго-Восточной Турции.

Упоминание о разговорном «языке таргума», на котором говорят евреи Амадии (Северный Ирак) и других общин, расположенных в горах Курдистана, встречается еще в XII в. в итинерарии еврейского путешественника Беньямина из Туделы. Первые сведения о современном восточноарамейском опубликованы Карстеном Нибуром (1733–1815), немецким картографом и путешественником, находившимся на службе у датского короля. Первоначально внимание европейских ученых было сосредоточено на христианских восточноарамейских диалектах, в частности урмийском. Первые попытки анализа одного из христианских диалектов (по-видимому района Урмии) принадлежат Э. Рёдигеру (1838). Западные миссионеры внесли заметный вклад в изучение Н.я., в первую очередь христианских. А.Л. Холладей выпустил краткий очерк урмийского диалекта для ассирийских школ, на котором базировался Д. Стоддард, автор первой грамматики восточного Н.я. (1855), написанной главным образом на материале урмийского литературного, диалекта салмас и некоторых христианских диалектов Курдистана. Составленный Д. Стоддардом словарь Н.я. не был опубликован, но его материалы позднее вошли в Тезаурус классического сирийского языка Р. Пейна Смита. Основы научной традиции изучения Н.я. заложил Т. Нёльдеке в своей грамматике урмийского литературного диалекта (1868), мате-

риалами для которой послужили письменные источники. Ряд его рецензий на отдельные работы по Н.я., вышедшие в 1870–90 гг., также являются важным вкладом в изучение этих языков. Новым этапом в изучении Н.я. стало начало полевых исследований и публикации текстов и грамматических описаний ранее неизвестных диалектов Иранского Азербайджана и Курдистана. Это работы А. Социна (1882: алкош, джилу, захо, салмас, урми), Э. Захау (1895: феллихи, или алкош), Ж. Реторе (1912: христианские диалекты Мосульской равнины). Публикация текстов на диалекте салмас Р. Дювалем (1883) стала первым исследованием еврейского Н.я. Грамматика «разговорного сирийского» главы англиканской миссии в Урмии А. Маклина (1895) и составленный им словарь Н.я. (1901) представляют интерес главным образом широким охватом диалектов, как христианских, так и еврейских (диалекты Иранского Азербайджана и захо). После некоторого перерыва, связанного с началом Первой мировой войны, исследования Н.я. возобновились в 30-е гг. XX в. главным образом в СССР (К. Марогулов, Н.В. Юшманов) и Израиле (Й. Ривлин). Значительный вклад в изучение Н.я., особенно христианских диалектов (фонетика, грамматика, публикация текстов), внес грузинский ученый К.Г. Церетели. Работа И. Гарбелл о еврейских диалектах Иранского Азербайджана (1965) открыла новый этап в исследовании еврейских Н.я. в плане применения к ним современной лингвистической методологии. Ряд важных работ по глагольной морфологии северо-восточных Н.я. написаны Х.Я. Полоцким и Р. Хедроном. В последние два десятилетия исследование Н.я. значительно активизировалось. Не в последнюю очередь это связано с очевидной угрозой исчезновения многих диалектов. В настоящее время в изучении Н.я. очень активны ученые Израиля (Г. Гольденберг, Х. Муцафи, Я. Исраэли, Э. Коэн), часть из которых является учениками Х.Я. Полоцкого, оставившего много неопубликованных материалов и заметок по Н.я. Значительное число грамматических описаний Н.я. вышло в издающейся в Германии серии «*Semitica Viva*», редактируемой О. Ястровым, также внесшим немаловажный вклад в изучение Н.я. В работе Х. Юнсансардаруд (носитель одного из Н.я.) собран и проанализирован интересный материал по сингармонизму диалекта сардарид, близкого урмийскому. Среди публикаций последних лет следует отметить во многих отношениях образцовые описания отдельных диалектов и обзорные работы о северо-восточных Н.я. Дж. Хана. В то время как в публикации материалов и грамматическом описании отдельных диалектов сделано довольно много, количество обобщающих работ о Н.я. остается явно недостаточным. Состояние лексикографии Н.я. также нельзя назвать удовлетворительным: большинство словарей либо устарели, либо не отвечают критериям современной научной лексикографии. Эту лакуну отчасти восполняет словарь еврейских диалектов Северо-Западного Курдистана Й. Сабара (2002). Важным источником сведений о грамматике северо-восточных Н.я. является база данных по отдельным диалектам, составляемая под руководством Дж. Хана.

Изучение северо-восточных Н.я. затруднено переходом их носителей на другие языки, а также в связи с миграционными процессами. Дж. Хан отмечает, что из-за сложной миграционной истории этих языков в ряде случаев размыты диалектные границы. Кроме того, диалектные различия начинают стираться под влиянием развития и распространения отдельных наддиалектных литературных и разговорных идиомов (стандартный урми, ассирийское иракское койне и др.). Особенно интенсивно этот процесс идет в диаспоре, где возникает единое культурное пространство для носителей разных диалектов, объединяемых, как правило, по конфессиональному

(ассирийцы, халдеи) или конфессионально-географическому признаку (курдистанские евреи). Формирование единой системы преподавания национального языка на основе наддиалектного стандарта способствует нивелированию диалектных различий во многих общинах диаспоры (см. об этом, например, в статье «Туройо» в наст. издании).

3. Число говорящих на Н.я. по разным оценкам составляет от 200 до 600 тыс. чел.

4. В настоящее время принято выделять следующие группы новоарамейских диалектов.

1. **Западные новоарамейские.** В эту группу входят диалекты, на которых говорят жители трех деревень в горах Каламун (область Антиливан) в Сирии — Маалула, Баха и Джуббадин. Жители Маалулы в основном христиане, жители Бахи и Джуббадина — мусульмане.

2. **Восточные новоарамейские.**

1) **Язык туройо.** Кластер диалектов, на котором говорят общины сирийских христиан-яковитов в горах Тур-Абдин (Юго-Восточная Турция); к этой группе относится также вымерший диалект млахсо.

2) **Северо-восточные новоарамейские.** Многочисленные и разнообразные диалекты и говоры христианских и еврейских общин, исторически локализующиеся в Курдистане (Юго-Восточная и Восточная Турция, Северный Ирак и Юго-Западный Иран) и Иранском Азербайджане (Северо-Западный Иран). В ряде случаев религиозная принадлежность носителей является определяющей для внутреннего членения этой диалектной общности.

3) **Новомандейские.** Разговорный язык представителей гностической секты мандеев, до недавнего времени живших в пров. Шатт-эль-Араб в Южном Ираке и пров. Хузестан в Иране. Принято считать, что среди мандеев Ирака нет носителей новомандейского: в XIX–XX вв. все носители новомандейского либо жили в Иране, либо были выходцами из Ирана.

До конца 80-х годов XX в. было принято выделять три группы Н.я.: западную (Маалула, Баха и Джуббадин), центральную (язык туройо) и восточную (диалекты Курдистана и Иранского Азербайджана). Такой классификации придерживались исследователи начиная с Р. Дюваля (конец XIX в.), ее поддерживал и обосновывал Г.К. Церетели. Р. Хоберман предложил включить в классификацию новомандейский, а диалекты Курдистана и Иранского Азербайджана называть северо-восточными Н.я. Это название введено Р. Хоберманом с тем чтобы, во-первых, отличать их от других восточных Н.я, а во-вторых, устранить путаницу с классическими восточными диалектами (классическим сирийским, иудейским вавилонским и классическим мандейским). Центральное положение туройо в прежней классификации объяснялось тем, что этот язык имеет общие черты как с языком Маалулы (переход $*\bar{a} > \bar{o}$, $p > f$; некоторые морфологические архаизмы), так и с восточными диалектами (инновации в глагольной морфологии). Автор новой классификации Р. Хоберман подчеркивает генеалогическую близость туройо северо-восточным диалектам, исходя из того, что общие для этих двух групп инновации в морфологии глагола, подкрепленные рядом общих фонологических черт, гораздо более показательны, чем общие черты туройо и языка Маалулы. Более того, в рамках северо-восточной подгруппы у туройо и еврейских диалектов Иранского Курдистана имеется общая относительно консервативная черта в морфологии претерита, отмеченная С. Хопкинсом: *l*-претерит ограничен переходными глаголами. С. Хопкинс противопоставляет эти языки остальным северо-

восточным диалектам, которые в этом отношении являются более инновативными: *l*-претерит используется как у переходных, так и у непереходных глаголов (о генеалогической классификации Н.я., основанной на морфологии глагола, см. также статью «Арамейские языки» в наст. издании). Более разветвленная система критериев, позволяющая объединить туройо по крайней мере с некоторыми из северо-восточных Н.я., была разработана С. Фоксом, который указал на следующие изоглоссы: 1) спирантизированный *t* сохраняется как в туройо, так и в арадин, амадия, тископа, тхума, а также в новомандейском, 2) как в туройо, так и во всех северо-восточных Н.я. формы прошедшего времени (имперфект и плюсквамперфект) образуются суффиксацией/инфиксацией морфемы *-wa*, восходящей к общеарамейскому глаголу **hwy* 'быть' (в новомандейском эта черта отсутствует — формы, восходящие к глаголу **hwy*, используются только при образовании пассива), 3) туройо, как и большинству северо-восточных Н.я., присущ преверб *k-* в качестве маркера настоящего времени, 4) образование возвратных местоимений на основе лексического элемента *ruh-* объединяет туройо с диалектом хертевин.

Новомандейский занимает особое место среди восточных Н.я. В образовании новомандейских видо-временных форм участвует старое суффиксальное спряжение («перфект») *gəʔal*, утраченное всеми остальными восточными Н.я. В то же время в новомандейском отсутствует *l*-претерит *qʔille* (так называемый эргативный претерит) — важнейшая классификационная черта, присущая всем остальным восточным Н.я.

Сведения о локализации новоарамейских языков и применяемых по отношению к ним лингвонимах, а также сформировавшиеся в современной арамеистике представления об их диалектном членении могут быть представлены следующим образом (поскольку языку Маалулы, туройо и новомандейскому языку в наст. издании посвящены специальные описания, основное внимание будет уделено северо-восточным новоарамейским языкам).

Западная подгруппа Н.я. Число носителей этих диалектов, проживающих в деревнях Баха, Джуббадин и Маалула в горах Каламун (Сирия), а также в некоторых крупных городах Сирии и Ливана, не превышает 10 тыс. чел. Диалекты жителей деревень Баха, Джуббадин и Маалула, структурно очень близкие между собой, являются обиходно-разговорными языками, письменность на этих диалектах не получила распространения. Наиболее изученным среди идиомов западной подгруппы является диалект деревни Маалула (см. статью «Маалулы язык» в наст. издании). Двум остальным диалектам посвящены диссертации К. Коррела (Баха) и В. Кантаринно (Джуббадин), а также недавние публикации текстов, осуществленные В. Арнольдом. Сравнительные данные по трем диалектам содержатся в грамматике В. Арнольда. Диалекты западной подгруппы — самые архаичные из Н.я., о чем можно судить, в частности, по морфологии глагола: в образовании видо-временных и модальных форм участвуют старые суффиксальное («перфект») и префиксальное («имперфект») спряжения. Для данной подгруппы характерно сильное арабское влияние, которое проявляется на всех уровнях языковой системы и особенно широко затрагивает лексику (не менее половины словаря составляют арабизмы).

Язык *т у р о й о* распространен в своем историческом ареале — нагорье Тур-Абдин, в странах Ближнего Востока (западные районы Турции, Сирия, Ливан, Иордания, Израиль), в Западной Европе (Германия, Швеция, Бельгия, Нидерланды), а также в США, Канаде, Австралии и Аргентине. Общая численность турабдинских христиан-яковитов в мире в середине 1990-х гг. составляла около 85 тыс. чел., из них

не более 3 тыс. чел. оставалось в Тур-Абдине. Реальное число носителей должно быть значительно меньше, поскольку молодые поколения диаспоры утрачивают язык. По мнению О. Ястрова и Х. Риттера, существуют две основных разновидности языка туройо — деревенские диалекты и диалект города Мидьяд. В диаспоре сформировалась новая разновидность языка туройо — деревенско-городское койне, которое постепенно вытесняет остальные диалекты туройо. Подробные сведения о туройо содержатся в статье «Туройо» в наст. издании.

В 1968 г. О. Ястровым был обнаружен диалект деревни Млахсо (совр. Юнлюдже, близ г. Лидже, в 90 км к северу от г. Диярбакыр, Турция), тексты и лингвистическое описание диалекта были опубликованы в 1994 г. По мнению О. Ястрова, млахсо должен быть отнесен к группе туройо, с которым его объединяют несколько важных изоглосс. Фонологические черты, сближающие млахсо с туройо: переход $*\bar{a} > \bar{o}$, сохранение фарингалов h и ʕ , утрата консонантного удвоения с компенсаторным удлинением предшествующего гласного. Несколько десятков лексем, отмеченных О. Ястровым как «туроизмы», также являются основанием для классификационного сближения млахсо и туройо. В млахсо, как и в туройо, одним из морфологических средств для выражения видо-временных значений в глаголе I породы является основа $qa\text{ṭ}il$ ($< *qa\text{ṭ}i\bar{l}$), однако в туройо ее употребление ограничено претеритом непереходных глаголов, а в млахсо за ней закрепилось значение перфекта; с исторической точки зрения перфектное значение $*qa\text{ṭ}i\bar{l}$ следует считать архаизмом, свидетельством о более раннем по отношению к туройо этапе развития глагола Н.я. (ср. также результативное значение $*qa\text{ṭ}i\bar{l}$ в западной ветви Н.я., описанное в наст. издании для диалекта Маалулы). Черты, отличающие млахсо от туройо, объясняются О. Ястровым либо как свидетельства бóльшей архаичности млахсо (фиксированное ударение на последнем слоге, сохранение долгих гласных в закрытых слогах, сохранение кратко $*e$ в ударном слоге), либо как результат адстратных влияний (эмфатики $*t$ и $*s$ совпали с t и s ; межзубные совпали с сибилантами: $*t > s$, $*d > z$). Как отмечает Дж. Хан, к архаичным чертам морфологии млахсо относится сохранение императива каузативной породы без префикса $m-$, в отличие от большинства северо-восточных Н.я. и языка туройо; эта черта объединяет млахсо с диалектом г. Каракош в Северном Ираке и с новомандейским. О. Ястров приводит лексические примеры, которые также указывают на архаичный характер диалекта млахсо: $y\bar{o}m\bar{a}n$ 'сегодня' ($*yawm\bar{a}n\bar{a}$; ср. тур. *adyawma*), $\bar{a}h\bar{o}$ 'брат' ($*aḥḥ\bar{a}$; ср. тур. *aḥuno*), $mz\bar{i}t\bar{o}$ 'город' ($*md\bar{i}t\bar{t}\bar{a}$; ср. тур. *walāye* < араб. *wilāyat*-).

Северо-восточная подгруппа (северо-восточные Н.я.). Среди названий отдельных диалектов, распространенных в европейской научной традиции, помимо названий по местностям проживания их носителей (например, диалект алкош бытует в дер. Алкош и близлежащих деревнях), распространены названия по племенам, в свою очередь, восходящие к названиям соответствующих местностей (это характерно прежде всего для диалектов несториан, проживавших в горном массиве Хаккяри в Юго-Восточной Турции; например, диалект тьяри соответствует племенной группе тьяри). Работы некоторых исследователей следуют терминологической традиции, согласно которой названия диалектов образуются по самоназванию выходцев из той или иной местности. Так, диалект урми в этой традиции получает название «урмеджнāя» (от *urmeḏḏnae* 'урмийцы').

Сирийские христиане Иранского Азербайджана называют свой язык *lišan suraye* 'язык сирийских христиан'. Приблизительно с начала XX в. среди христиан — носи-

телей северо-восточных Н.я. (например, христианского урми) широкое распространение получил лингвоним *lišana atoraya (asuraya)* ‘ассирийский язык’, происходящий от этнонима *atoraye* ‘ассирийцы’. Этот этноним возник в среде несториан и в той или иной степени был воспринят практически всеми христианами, для которых культовым языком является классический сирийский (т. е. носителями христианских северо-восточных Н.я. и туройо). В 50-е гг. XX в. против употребления этого самоназвания выступили халдейские и яковитские иерархи. Образованный на основе этого лингвонима термин «современный ассирийский язык» получил некоторое распространение в учебной и научной литературе, главным образом в работах отечественных лингвистов. Содержание этого термина может колебаться от наименования одного диалекта (христианского литературного урми) до обозначения всех восточных христианских новоарамейских языков, включая туройо (К.Г. Церетели). В современной зарубежной научной литературе это наименование употребляется редко; классификационного значения оно не имеет. Христиане-халдеи, живущие на Мосульской равнине и в некоторых других местностях автохтонного региона распространения Н.я., называют свой язык *suret* ‘сирийский’; так же иногда называют свой язык и сирийские христиане Иранского Азербайджана. В научной литературе христианские диалекты Северного Ирака иногда называют «современный халдейский» (англ. *Modern Chaldean*), что связано с названием Халдейской католической церкви и с распространенным в XVI в. в Европе обозначением классического сирийского языка, культового языка этой церкви, как «халдейского».

Носители многих еврейских диалектов называют их *lišānit (lišānit) targum* ‘язык таргума’ (таргум — традиционное название арамейских переводов Библии). О древности этого названия говорит упоминание его в итинерарии Беньямина из Туделы (XII в.), где так назван язык еврейских общин, живших в горах центрального Курдистана. Для всех еврейских Н.я. зафиксирован вариант самоназвания ‘наш язык’: *lišana nošan/lišanid nošan, lišana didan/lišanid didan, lišana axni, lišana deni, lišanan*. Носители еврейских диалектов Иракского (Восточного) и Иранского Курдистана (сигне, саккиз, сулеймания и др.) называют свой язык *žabali (žbeli)* ‘горский (язык), язык горцев’, а также *galigalu (galighu)* ‘мой-твой’. Евреи из Иранского Азербайджана и турецкого Курдистана называют свой язык *laxloxi* (производное от выражения *laxxa loxi* ‘туда-сюда’), откуда происходит одно из названий курдистанских евреев — лахлухи. Распространены также следующие самоназвания еврейских диалектов: *lišan hudaye (hozaye)* ‘язык евреев’ (Иракский (Северо-Западный) Курдистан); *hula?ula (hulani)*, ‘еврейский (язык)’ (Иракский (Восточный) и Иранский Курдистан). Среди всех носителей Н.я., живущих в Израиле, получило распространение самоназвание *kurdit* или *kurdit azerbayžanit*, связанное с их самоидентификацией как выходцев из Курдистана.

В данном разделе указаны ареалы исконной локализации северо-восточных диалектов на их автохтонных территориях. Во многих из указанных местностей на данный момент носители Н.я. отсутствуют.

Х р и с т и а н с к и е д и а л е к т ы. В горах Хаккяри (пров. Хаккяри, Юго-Восточная Турция) и примыкающих к ним горных районах Турции до 1915 г. (в некоторых случаях и позднее) были распространены следующие диалекты: албак, ашита, баз, барвар, бокан, валто, гавар, дез, мар-бишу, тал, тхума, тьяри, шамсдин (перечислены только те диалекты, по которым есть лингвистические сведения). Многие из этих диалектов объединяют названием *aširet* ‘племенные (диалекты)’, их также назы-

вают горскими диалектами. Этот регион разделен турецко-иранской границей, поэтому часть диалектов сирийских несториан-горцев — брадуст, маргавар и тергавар — была распространена в Иране. В Иранском Азербайджане территория распространения Н.я. включала Салмасскую и Урмийскую равнины к западу от оз. Урмия. Здесь зафиксированы следующие диалекты: салмас (говоры сипурган, хусрава, гавилан), урми, сардарид, солдуз. Урмийский вернакуляр лег в основу общего для многих христиан-арамеев литературного языка, в который вошли элементы и некоторых других диалектов несториан Курдистана и Иранского Азербайджана. Этот диалект называют (стандартным) литературным урми, или койне урми.

В Северном Ираке христианские Н.я. распространены в провинциях Найнава, Дакхук и Эрбиль: акра, алкош, анкава, арадин, бартилле (баретле), бедьял, дахук, захо, кёй-санджак, мангеш, каракош, сулеймания, тель-кепе, тископа, шаклава, эн-нуне (перечислены только те диалекты, по которым есть лингвистические сведения). Часть этих диалектов являются автохтонными для данных областей, другие получили здесь распространение в начале XX в., когда в Северный Ирак переселилось много несториан из Хаккяри (Турция). Согласно Э. Одишо, среди несториан — выходцев из Хаккяри, поселившихся в городах Северного Ирака, получил распространение наддиалектный язык, так называемое иракское койне. Особую группу составляют диалекты христиан-халдеев Северного Ирака: алкош, мангеш, тель-кепе, тископа. На основе вернакуляра жителей дер. Алкош не позднее XVII в. сформировался литературный диалект христиан-халдеев; другие его названия — феллихи (араб. «деревенский»), халдейский литературный.

В Сирии в провинции Хасеке в 10–30-е гг. XX в. сформировался новый ареал расселения ассирийцев по берегам р. Хабур. Это в основном выходцы из Хаккяри, подавляющее большинство — несториане. Согласно Ш. Талаю, здесь представлены следующие диалекты: баз, барвар, валто, гавар, дез, джилу, ийел, кудшанис, левин, мар-бишу, ночия, сара, сарспидо, тал, тимур, тхума, тьяри, халмун, чал. Материал, собранный Ш. Талаем в Сирии, свидетельствует о том, что тхума представляет собой диалектный кластер.

Е в р е й с к и е д и а л е к т ы. Носители еврейских Н.я. в большинстве своем покинули автохтонную территорию в начале 50-х гг. XX в. и переселились в Израиль; ниже приводятся локализации по состоянию на первую половину XX в.

Иранский Азербайджан и примыкающие к нему районы Юго-Восточной Турции: башкала, гавар, салмас, солдуз, урми (северная группа), шинно (г. Ошновие), солдуз (южная группа).

Северо-западные районы Ирака к северу от Мосула (Иракский Курдистан): амадия (амидья), арадин, дахук, захо, нерва.

Районы к востоку от р. Большой Заб (Иракский (Восточный и Юго-Восточный) Курдистан): кёй-санджак, рустака, рувандуз, сулеймания-халабджа, эрбиль.

Иранский Курдистан: саблаг, саккиз, бокан, бана, санандадж, керенд.

Носители христианских северо-восточных Н.я. до XIX в. были в основном сельскими жителями и занимались земледелием и скотоводством. Со второй половины XIX в. начинается их переселение в города. Культура и общественное устройство сирийских христиан-горцев значительно отличаются от культуры равнинных несториан и халдеев; главным отличительным признаком их общественного устройства является сохранение древней родоплеменной структуры, проявляющейся в делении общества на «племена» (джил. *aširate* < курд. *ešîret*). Евреи — носители северо-

восточных Н.я. жили в основном в городах, их главными занятиями были торговля и ремесло.

К л а с с и ф и к а ц и я. По мнению ряда авторов, важнейшие классификационные подразделения связаны с этно-конфессиональной принадлежностью носителей северо-восточных Н.я. Данная подгруппа делится на две основные группы диалектов — христианские и еврейские диалекты. В ряде исследований отмечается, что в одной местности, где распространены и христианский, и еврейский диалекты Н.я., носители этих диалектов не понимают друг друга. Это связано, по-видимому, с тем, что, как отмечает Дж. Хан, у евреев и христиан совершенно разные миграционные истории. Так, например, еврейский и христианский диалекты г. Кёй-Санджак в Северном Ираке принадлежат к разным диалектным кластерам. Некоторые авторы указывают на то, что в Иранском Азербайджане эти различия значительно более существенны, чем в других регионах, например, Северном Ираке, где уровень взаимопонимания между носителями еврейских и христианских Н.я. достаточно высок. Для классификации северо-восточных Н.я., возможно, имеют значение и более тонкие различия в конфессиональной принадлежности носителей этих диалектов; наибольшее значение, по-видимому, имеют различия между диалектами ассирийцев (Церковь Востока, или несториане) и диалектами халдеев (Халдейская католическая церковь).

Дж. Маклин выделяет следующие группы христианских диалектов (дополнено Р. Хоберманом).

Урмийская: гавилан, сипурган, солдуз, урми.

Северная: гавар, джилу, кудшанис, салмас.

Аширет (диалекты племен Хаккяри): ашита, мар-бишу, тхума, тьяри, шамсдин.

Южная: алкош, арадин, ботан, мангеш, тель-кепе.

Д. Коэн предлагает членение еврейских диалектов по следующим регионам.

Иранский Азербайджан: гавар, башкала, саламас, солдуз, урми, шинно.

Южный Курдистан: бана, бокан, кёй-санджак, равандуз, саблаг, саккиз, сенна, сулеймания, эрбиль.

Северный Курдистан: амадия, гзира, дахук, захо, нерва.

По более новой классификации Й. Сабара, которой придерживается большинство современных исследователей Н.я., еврейские диалекты подразделяются на следующие группы (в порядке возрастания степени инновативности).

Иракский (Северо-Западный) Курдистан: дахук, захо, нерва.

Иракский (Юго-Восточный) Курдистан: кёй-санджак, рувандуз, эрбиль.

Иранский Азербайджан: башкала, саблаг, саламас, урми.

Иранский Курдистан: биджар, керенд, саккиз, сенна.

Предложенные классификации могут рассматриваться лишь как предварительные. В последние 20–30 лет изучение северо-восточных Н.я. значительно активизировалось, в результате чего объем доступного лингвистического материала резко вырос. В то же время осмыслен этот материал недостаточно, поэтому общепринятые типологическая и генеалогическая классификации северо-восточных Н.я. пока не разработаны. Тем не менее делаются попытки обобщить имеющиеся данные. Так, С. Фокс отмечает пучок изоглосс, отделяющий ряд восточных еврейских диалектов (кёй-санджак, еврейские диалекты Иранского Азербайджана, халабджа) от остальных северо-восточных Н.я.: ударение на последнем слоге; переход $*t > l$; классы глагольных основ не совпадают с историческими породами классического арамейского, а зависят

от типа глагольного корня; относительные местоимения имеют основу *noš-*. Р. Хоберман на основе анализа морфологии местоимений делает предположение о наличии северо-иракского диалектного кластера (диалекты захо, тископа, арадин и др.). Заслуживает внимания выделение особой общности еврейских диалектов, располагавшихся к востоку от р. Большой Заб (второй и четвертой группы по классификации Й. Сабара), предложенное недавно Х. Муцафи на основании следующих критериев, отличающих эти диалекты от остальных еврейских северо-восточных Н.я.: рефлексация межзубных **d* и **t* как *l*; презентные формы 3-го лица единственного числа мужского рода глаголов *Пw*, образующиеся по модели *C₁oC₃*, а у глаголов *Пу* — по модели *C₁eC₃*; общая форма личного и указательного местоимения для мужского и женского рода (?o).

В некоторых северо-восточных Н.я. отмечены гендерные разновидности речи. Согласно И. Гарбелл, в еврейском разговорном урми женщины старше 70 лет заменяют практически все ненапряженные слова (за исключением тех, которые включают /u/ и /o/) их напряженными артикуляционными вариантами. Как отмечает Й. Сабар, в еврейских диалектах Иракского (Северо-Западного) Курдистана речь женщин отмечена некоторыми лексическими и фразеологическими особенностями. Так, используются особые наименования месяцев по праздникам или постам (*yarxid ?ēdīlāne* ‘месяц Праздника деревьев (= Шеват)’, *yarxid šōma ?azīza* ‘месяц благочестивого Поста (= Тишри)’), особого рода благословения и проклятия, высока частотность культурно-специфических эвфемизмов.

Все носители северо-восточных Н.я., помимо арамейского, владеют еще одним или двумя языками. Жители Курдистана, как правило, знают курдский, а также государственные языки стран региона распространения Н.я. — турецкий, арабский или персидский. Отмечены некоторые региональные особенности: по мнению ряда авторов, владение арабским у многих жителей и выходцев из Иракского Курдистана очень ограничено; выходцы из Юго-Восточной Турции, напротив, знают арабский. Жители Салмасской и Урмийской равнин, помимо персидского, владеют азербайджанским, однако и в их речи очень заметно влияние курдского. У носителей племенных диалектов в горах Хаккяри вторым языком был курдский, турецким они не владели (эти племена были практически неподконтрольны турецким властям).

Для большинства северо-восточных Н.я. характерно значительное курдское влияние. Диалекты Северо-Западного Ирака и Иранского Азербайджана локализируются в ареале распространения курдского диалекта курманджи, а диалекты Иракского (Юго-Восточного) и Иранского Курдистана — в ареале распространения курдского диалекта сорани. Курдское влияние не ограничивается лексическими заимствованиями. Р. Хоберман отмечает сходные черты взаимодействия фарингальных и фарингализованных (эмфатизированных) согласных в курдском и северо-восточных Н.я. Дж. Хан предполагает, что утрата противопоставления мужского и женского рода у независимых местоимений 3-го лица в диалектах к востоку от р. Большой Заб возникла под влиянием курдского, где нет этого различия. Г. Кротков указывает на изменения в роде существительных под влиянием курдского: арад. *qora* (ж. р.) ‘могила’ (< **qabra*, м. р.), ср. курд. *gor* (ж. р.) ‘могила’, арад. *dana* (ж. р.) ‘время’ (< **ʕidana*, м. р.), ср. курд. *kat* (ж. р.) ‘время’, арад. *yama* (ж. р.) ‘море’ (< **yamma*, м. р.), ср. курд. *derya* (ж. р.) ‘море’. Продуктивными в именном словообразовании являются суффиксы, заимствованные из курдского: уменьшительный суффикс *-ke*, суффикс прилагательных со значением пассивного причастия *-band*, суффикс профессии *-kar* (азерб. евр.

brata-ke 'девочка, доченька', *dehwa-ke* 'грош, мелкая монета', *šušā-band* 'застекленный', ⁺*qala-band* 'осажденный', *žut-kar* 'пахарь', *xata-kar* 'грешник'). Азербайджанский по происхождению суффикс профессии *-či* (азерб. евр. *šira-či* 'певец'), вероятно, также заимствован через курдский, за исключением очевидно азербайджанских заимствований (кар. *kəšā-či* 'ковровщик').

В литературе обсуждались предположения об иранском (в первую очередь, курдском) влиянии на морфологию глагола северо-восточных Н.я. В частности, с этим влиянием связывают наличие в северо-восточных Н.я. эргативного претерита (американский исследователь курдского языка М. Чайет и др.). Ф. Пеннакьетти отмечает несколько черт сходства между глагольными системами курдского (на примере сорани), современного персидского и северо-восточных Н.я. (на примере сурет) и приходит к выводу, что эти черты могут объясняться отчасти конвергенцией, а отчасти параллельным развитием, источником которого являются общелингвистические феномены, выходящие за пределы новоарамейско-курдских контактов. В частности, формирование нового претерита из основы пассивного причастия, наблюдаемое как в восточных Н.я., так и в новоиранских языках, является, по мнению Ф. Пеннакьетти, результатом длительного параллельного развития. При этом не исключается, что появление в среднеарамейском отдельных форм *l*-претерита может быть обусловлено иранским влиянием, связанным с арамейско-иранскими контактами в древности. М. Чайет подчеркивает, однако, что более перспективным для сопоставления с северо-восточными Н.я. является рассмотрение глагольной системы курманджи (в частности, бахдинанских поддиалектов), а не диалекта сорани, выбранного для сравнения в работе Пеннакьетти.

На северо-восточных Н.я. есть разнообразная литература, в основном связанная с богословием и религиозным воспитанием. В XIX–XX вв. появляется довольно много светских изданий и периодики. Литературная традиция на основе некоторых вернакуляров северо-восточных Н.я. формируется в XVI–XVII вв. вокруг отдельных центров литературной активности: для христианских диалектов это гг. Алкош и Тель-Кепе в Северном Ираке; для еврейских диалектов — г. Нерва в Северном Ираке.

Принято считать, что первым автором, писавшим на христианском новоарамейском, был священник Израэл из Алкоша (1541 — ок. 1611). Х. Мурре ван ден Берг датирует 1591 г. поэму, созданную Мар Хнанишо из Бет Рустака, и считает ее первым произведением новосирийской литературы. Литературное творчество христианских авторов XVII–XIX вв., писавших на новоарамейском и принадлежавших к так называемой Школе Алкоша, было связано с двумя основными поэтическими жанрами: ученая гимническая поэзия *durikyāta* (ед. ч. *durikta*) и поэмы-диспуты, иногда называемые тем же термином из-за сходной поэтической формы. Многие из поэм, созданных в этих жанрах, являются переводами и переложениями классических сирийских текстов. К этому же времени относят народную поэзию *zmiryāte d-rāwe* (свадебные и танцевальные песни), дошедшую в рукописях XIX в. По предположению Р. Мацуха, в Алкоше уже в XVI–XVII вв. создавались библейские переводы на новоарамейский, однако документального подтверждения эта гипотеза пока не нашла. Для христианских литературных текстов XVII–XVIII вв. характерно фонетическое письмо с использованием «несторианского» варианта сирийской графики, впоследствии (с середины XIX в.) вытесненное архаизирующим этимологическим письмом с использованием несторианской сирийской графики, культивировавшимся западными христианскими миссионерами.

С деятельностью миссионеров (первоначально американских пресвитериан, а затем и представителей других деноминаций) связано возникновение в 30-е гг. XIX в. письменной традиции на основе урми и некоторых других диалектов Иранского Азербайджана. Первыми текстами на литературном урми были переводы Библии и ряда текстов западной христианской традиции, входивших в обычный набор миссионерских учительных сочинений («Путь паломника» Дж. Беньяна и др.). Приблизительно с конца XIX в. развивается светское литературное творчество на литературном урми. Первое периодическое издание на литературном урми — журнал “Zahrir d-bahra” («Лучи света»), издававшийся с 1849 по 1915 г. американской миссией в г. Урмия (Иран), — преследовало не только цели религиозного воспитания, но и просветительские цели. С 1870-х гг. в этом журнале стали принимать участие ассирийские авторы. Первым независимым от деятельности христианских миссий изданием стал журнал “Kokba” («Звезда»), издававшийся с 1906 по 1914 г. в г. Урмия. На литературном урми и литературном халдейском (сурет) существует литература разнообразных жанров: публицистика, исторические сочинения, обработки произведений западной и восточной литературы, богословская литература, религиозная и светская поэзия, художественная проза.

Еврейская письменность на новоарамейском до начала XVIII в. развивалась в центрах, расположенных в Северном Ираке — городах Нерва, Амадия, Захо и Дахук. Самый обширный из корпусов текстов этого периода получил название «Тексты из Нервы», они были изданы американским арамеистом Й. Сабаром. Этот корпус включает в себя произведения еврейской религиозной литературы: переводы Библии (таргумы), библейские комментарии, проповеди (мидраши), литургическую поэзию (пют). Тексты из Нервы датируются 1647–1679 гг., однако велика вероятность того, что эти произведения содержат материал, отражающий языковую ситуацию на 100–200 лет более раннюю. С начала XVIII в. центр еврейской учености переместился в г. Захо, где также были созданы сохранившиеся в рукописях переводы Библии и некоторые ритуальные тексты. Имеется небольшое количество религиозных текстов из Амадии и Дахука.

Для записи христианских текстов на новоарамейском используется в основном сирийское письмо (см. о нем статью «Классический сирийский язык» в наст. издании). С конца XIX в. для записи северо-восточных Н.я. используются фонетические транскрипции. Для записи новоарамейских текстов, издававшихся в Советском Союзе, был разработан «новый алфавит» на латинской основе. Это фонетическое письмо применялось с конца 20-х до конца 30-х гг. XX в. и используется в ряде исследований северо-восточных Н.я. (Х.Я. Полоцкий, О. Капелюк и др.). Для записи еврейских текстов на новоарамейском используется еврейское «квадратное» письмо (см. о нем статью «Древнееврейский язык» в наст. издании).

Поскольку северо-восточные Н.я. и новомандейский язык не образуют особой генеалогической общности и существенно отличаются друг от друга во всех аспектах грамматики, их лингвистическая характеристика в наст. издании приводится раздельно; описанию новомандейского языка посвящена отдельная статья.

5. На настоящий момент сравнительно-историческая проблематика в диалектологии Н.я. разработана недостаточно. Принято считать, что большинство Н.я. (за исключением новомандейского) напрямую генетически не связаны со среднеарамейскими языками. Н.я. по-видимому восходят к вернакулярам, которые существовали уже в среднеарамейский период, но, в отличие от литературных арамейских языков

того периода, не сохранились в письменных памятниках. Примером такого древнего вернакуляра, как отмечает Дж. Хан, может считаться разговорный язык, засвидетельствованный в диалогах, содержащихся в Вавилонском Талмуде. Эта разновидность иудейского вавилонского арамейского по ряду черт близка некоторым северо-восточным Н.я.

По мнению Дж. Хана, о существовании северо-восточных Н.я. в отдаленные исторические эпохи говорят, в частности, засвидетельствованные в сочинении арабского медика XI в. Ибн Баклариша “ʔal-Kitāb ʔal-Mustaʔīnī” специфически северо-восточные новоарамейские лексемы (например *baxta* ‘женщина’), а также заимствования из аккадского в Н.я., отсутствующие в лексиконе среднеарамейских языков (кар. *raxiṣa* ‘стог сена’ < аккад. *raḥiṣu*, *baxšimə* ‘амбар, хранилище для зерна’ < аккад. *bīt ḥašīmi*). Кроме того, в некоторых северо-восточных Н.я. (например каракош) отмечены черты, характеризующие морфологию этих диалектов как более архаичную, чем в среднеарамейских языках.

Разделение на западные и восточные Н.я. проводится на основании черт, характеризующих членение арамейских языков на восточную и западную ветви уже в древние периоды (см. статью «Туройо» в наст. издании), поэтому вопрос о времени этого разделения выходит за пределы новоарамейской генеалогической проблематики.

6. Лингвистическая характеристика.

Ф о н о л о г и я

Наиболее архаичными в отношении фонологии являются еврейские диалекты Северо-Западного Ирака.

С о г л а с н ы е (диалект амадия)

По способу образования			По месту образования									
			Лабиальные	Лабидентальные	Дентальные	Интердентальные	Альвеолярные	Палатальные	Велярные	Увулярные	Фарингальные	Ларингальные
Шумные	Смычные	Гл.	p	f	t				k	q		ʔ
		Зв.	b	v	d				g			
	Щелевые	Гл.			s	ʃ	š		x		ħ	h
		Зв.			z		ž		ɣ		ʕ	
	Аффрикаты	Гл.					č					
		Зв.					č̣					
Сонорные	Назальные		m		n							
	Латеральные				l							
	Вибранты				r							
	Глайды		w					y				

В таблицу не включены эмфатические и эмфатизированные согласные *b, p, t, d, z, ʒ, ʕ, m, l, n, r*, поскольку их фонемный статус не очевиден. Комплексная артикуляция этих согласных включает фарингализацию, веляризацию, лабиализацию, иногда также поднятие гортани. Диахроническая природа эмфатических согласных в северо-восточных Н.я. заслуживает специального обсуждения. Предполагают, что на каком-то этапе развития этих языков произошла полная или частичная утрата древних эмфатиков в исконной арамейской лексике. Появление новых эмфатических (или эмфатизированных) согласных обычно связывают с характерным для северо-восточных Н.я. фонетическим явлением ассимилятивной природы, которое может быть охарактеризовано как «эмфатическая» коартикуляция (в еврейских диалектах Северо-Западного Ирака, Р. Хоberman), или как сингармонизм (в христианских и еврейских диалектах Северо-Западного Ирана и Турции, Н.В. Юшманов и др.). Фонологический статус новых эмфатиков признается не всеми исследователями и не для всех диалектов. Авторы тех описаний, где эмфатизированные согласные включены в фонемный состав, как правило приводят минимальные пары, в которых помимо оппозиции отдельных фонем присутствует и оппозиция протяженных компонентов (словоформы с напряженной артикуляцией обозначаются знаком ⁺ перед словоформой). Так, оппозиция между *l* и *l̥* иллюстрируется следующими примерами: сул. ⁺*mali* [mɑ:l̥i:] ‘моя собственность’ vs. *mali* [mɑ:li:] ‘моя деревня’ (Дж. Хан), захо ⁺*kr̥ele* ‘он взял в аренду’ vs. *kr̄ele* ‘он был коротким’.

Об этом явлении в более широком фонологическом контексте см. также ниже в данном разделе.

Древнеарамейские спирантизованные (**b*, **g*, **d*, **k*, **p*, **t*), как правило теряют спирантизацию. Рефлексация дентальных спирантов **t* и **d* заслуживает особого внимания, поскольку она разнообразна и в ряде диалектов прошла несколько стадий.

	Дахук, арадин	Амадия	Урми, сардарид	Захо	Азерб. евр.	Эрбиль, Иран. Курдистан
* <i>d</i>	<i>d</i>	<i>d</i>	<i>d</i>	<i>z</i>	<i>d</i>	<i>l</i>
* <i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>s</i>	<i>l</i>	<i>l</i>

Примеры: арад. *yaqōda* ‘возгораемый’ (< **yaqod*), арад. *ryāta* ‘унаследовать’ (< **y-r-t*), амад. *kawod* ‘честь’ (< **kaḥod*), амад. *tuta/захо tusa* (< **tuṭā*) ‘шелковица’, захо *y-z-l* (< **y-l-d*) ‘родить’, азерб. евр. *bela* ‘дом’ (< **baytā*), азерб. евр. *ida/эрб. ʔila* ‘рука’ (< **ʔidā*), эрб. *k-l-w* (< **k-t-b*) ‘писать’.

Фарингал *ħ* слился с велярным *x* (< **k*): сар. *māxi* ‘бить’ (< **m-ħ-y*), сар. *bāxi* ‘плакать’ (< **b-k-y*). Исключение составляют самые западные из северо-восточных Н.я. (хертевин и др.), в которых сохраняется отдельная реализация *ħ* и *x*. Фарингал *ʕ* в большинстве диалектов падает (азерб. евр. *izza* ‘коза’ < **ʕezzā*); отдельные примеры, по-видимому, свидетельствуют о переходе *ʕ* в *ʔ* (амад. *beʔta* ‘яйцо’ < **beʕtā*).

Велярные *k* и *g* во многих диалектах в разной степени палатализованы: тхум. *kʷoma* ‘черный’ (< **ʔakumā*), сар. *malča* ‘царь’ (< **malkā*), тхум. *gʷwīra* (< **gbīrā*) ‘женатый’, сар. *žāri* ‘крыша’ (< **ʔeggārā*). В христианском урми и, видимо, во всех христианских диалектах Иранского Азербайджана палатальные аффрикаты *č* и *ž* в заимствованных и некоторых исконных словах перешли в альвеолярные аффрикаты *s* и *z*: сар. *sammi* ‘(что) он собирает’ (< араб. *šmʕ*), *cātun* ‘трудный’ (< азерб. *kātü-n*).

Ряд фонем представлен только в заимствованных словах. Так, в еврейском амадия фонема /v/ встречается только в курдизмах (*darva* 'снаружи' < курд. *derva*), в сардарид *k* и *g* встречаются только в персизмах или европеизмах, опосредованных персидским (*gramāfon* 'граммофон' < перс. *g(e)ramāfon*, **karnāma* 'табель, трудовая книжка' < перс. *karnāma*), в арадин фарингалы *ħ*, *ʕ* и эмфатик *ḏ* встречаются только в арабизмах (*xāḏrawāt* 'овощи' < араб. *ḥaḏrāwāt*-, *saḥa* 'час' < араб. *sāḥat*-, *nḏāḥa* 'преуспевать' < араб. *naḏāḥa*).

Вокализм северо-восточных Н.я. также может быть охарактеризован на примере архаичного диалекта амадия. Он включает семь кратких и пять долгих фонем.

i ī		u ū
	i	u
	e ē	o ō
	a ā	

Краткие гласные встречаются редко и только в закрытых неконечных слогах, а также в безударных конечных (открытых и закрытых). Таким образом, фонологическое значение долготной оппозиции невелико. Обширному инвентарю вокалических фонем, присущих диалекту амадия, можно противопоставить вокалическую систему разговорного христианского урми, где вокализм представлен пятью фонемами (/i/, /e/, /a/, /o/, /u/), сверхкраткий *ə* не имеет фонемного статуса (служит для разбиения кластеров), долгота не фонологична (Р. Хеэрон). Вокализм многих диалектов занимает промежуточную позицию между этими двумя полюсами, например христианский мангеш, в котором базовый инвентарь (*i*, *e*, *a*, *o*, *u*) расширен за счет открытого центрального неогубленного *i*, а долгота также не фонологична.

Начиная с первых описаний северо-восточных Н.я. исследователи отмечали вариативность в произношении ряда согласных и гласных, которая проявляется в том, что у некоторых фонем может быть два варианта реализации — напряженный и ненапряженный. Некоторые авторы интерпретировали это явление как гармонию гласных, для других на первом плане стояла веляризация или эмфатизация некоторых согласных в словоформе. Впоследствии было обнаружено, что в некоторых диалектах напряженная артикуляция затрагивает все фонетическое слово целиком. В том или ином виде сходные явления представлены также в других языках данного региона — турецком, курдском и арабских диалектах. Для характеристики этих процессов Н.В. Юшманов предложил термин «сингармонизм», который получил широкое распространение в науке и сохраняет свое значение до сих пор. Существуют различные трактовки сингармонизма северо-восточных Н.я. Р. Хеэрон в работе, посвященной разговорному урми, различает два протяженных компонента — лабиальный (соответствует веляризованному или напряженному в других описаниях) и палатальный. Протяженные компоненты, по Хеэрону, затрагивают все фонемы в слове, хотя напряженная артикуляция лучше слышна у гласных и некоторых согласных (*l*, *r*, *b*, *m*). Согласно К.Г. Церетели, существуют три варианта артикуляции, или «тембра»: жесткий, средний и мягкий. При этом жесткий и средний являются разными степенями напряженности. Наиболее полное на нынешний день освещение проблемы сингармонизма на материале диалекта сардарид в работе Е. Юнансардаруд следует трактовке К.Г. Церетели. Большинство исследователей указывают на фонологически значимый характер сингармонизма, см. такие минимальные пары, как урм. *muddārtela* 'она

осмелилась' vs. ⁺*muddārtela* 'она вернула', *mamalta* 'пораниться' vs. ⁺*mamalta* 'торговаться', тхум. *sāwa* 'старый' vs. ⁺*sāwa* 'жажда', *?īda* 'рука' vs. ⁺*?īda* 'праздник'. Характер этого явления варьирует от диалекта к диалекту. Так, в ряде диалектов сингармонизм может блокироваться некоторыми аффиксами или палатальными согласными (арад. *pšittē-la* 'она проста', амад. *išāqāt* 'знак, сигнал', *ṣle-le* 'он наполнил'); напряженную артикуляцию могут иметь лишь отдельные сегменты в слове, как, например, в христианском арадин (Г. Кротков) или в еврейском амадия (Р. Хоberman). Одни и те же лексемы могут быть напряженными и ненапряженными в зависимости от диалекта: арад. *tēla* vs. урм. ⁺*tāla* 'лиса'. В качестве главной причины или элемента, мотивирующего сингармонизм, обычно выдвигается наличие в этимоне напряженного слова эмфатиков или фарингалов. Однако наличие напряженных слов без эмфатиков и (или) фарингалов в этимоне (арад. ⁺*pisra* 'кожа' < **bsr*, ⁺*tillit* 'три' < **tlt*), а также ненапряженных слов, включающих типичные триггеры сингармонизма (арад. *arba* 'четыре' < **rbʕ*, *arbāla* 'сито' < **ʕrbl*, азерб. евр. *zora* 'маленький' < **zʕr*), говорит о том, что протяженный компонент не всегда диахронически обусловлен.

Широко распространенное мнение, согласно которому для большинства северо-восточных Н.я. характерно фиксированное ударение на предпоследнем слоге, пересматривается в свете новых исследований. Ударение на пенультине распространено главным образом в христианских диалектах Иранского Азербайджана, а также в диалектах Северо-Западного Ирака. В еврейских диалектах Восточного Ирака, иранского Курдистана и Иранского Азербайджана преобладает ударение на последнем слоге. По предположению И. Гарбелл, в еврейских диалектах Иранского Азербайджана первоначально преобладало ударение на предпоследнем слоге, а его смещение на последний слог (наблюдаемое в большинстве существительных, в местоимениях, числительных, предлогах и во многих глагольных формах) произошло под влиянием курдского или тюркских языков.

В целом, можно констатировать, что место ударения в отдельных северо-восточных Н.я. зависит от лексических, морфологических, синтаксических и дискурсивных факторов. Так, в сулеймания, согласно Дж. Хану, в именных лексемах ударение на ультиме наблюдается в паузе (*lá partíwa wárya blanè* 'Девочки не выходили из дома'), на пенультине — в тех случаях, когда имя оказывается внутри интонационной группы, внутри синтагмы или дискурсивного отрезка (*páre ba-fāyfilan¹ háqqa litta m-parè¹* '(У нее было) полно денег, она не заботилась о деньгах'). Ударение в глаголе сулеймания описывается следующими правилами: в презентных основах ударным является конечный слог основы (*qaṭil* 'он убивает', *qaṭil-na* 'я убиваю'), при элизии последнего гласного основы ударение переходит на флективный суффикс (*qaṭl-ét* 'ты убиваешь'); смещение ударения на пенультиму в презентных основах происходит в тех случаях, когда глагол оказывается внутри интонационной группы (*zīla ta-tkanà, šáqla mindixanè* 'Она пошла в магазин, чтобы купить вещи'); в основах императива ударение на предпоследнем слоге (*qáṭil-le* 'убей его'); присоединение суффиксов к глагольной основе, как правило, не меняет позицию ударения (*qaṭlí* 'они убивают', *qaṭlí-wa* 'они убивали', *qaṭlí-wa-lu* 'они убивали их').

М о р ф о л о г и я

Большинство исконно арамейских и морфологически адаптированных заимствованных существительных в единственном числе морфологически различаются по роду. Большая часть существительных, требующих согласования по мужскому роду, не имеет показателя рода. Существительные, требующие согласования по жен-

скому роду, имеют различные алломорфы суффикса *-t-*, а также суффиксы *-ut/-ul-* и *-it-*, но могут быть и без внешнего маркирования рода. Так, в диалекте сулеймания выделяется несколько семантических классов существительных без открытого маркирования рода: части тела (*dīqna* 'борода', *kasa* 'желудок'), плоды растений (*goza* 'орех', *tena* 'инжир'), астрономические и метеорологические термины (*sera* 'луна', *talga* 'снег'), географические термины (*mala* 'деревня', *ʔurxa* 'дорога'), мелкая фауна (*dinwa* 'муха', *qalma* 'вошь').

В диалектах Иракского (Юго-Восточного) Курдистана большинство курдизмов, а также опосредованных курдским арабизмов и тюркизов, требуют согласования по женскому роду. По наблюдениям Дж. Хана, согласования по мужскому роду требуют заимствования, связанные с обозначением неодушевленных предметов, в том числе тканей и тканых предметов одежды (сул. *ʔawrišim* 'шелк', *ʒaʒim* 'одеяло'), инструментов (сул. *dašin* 'серп', *šulka* 'прут погонщика'), некоторых сыпучих и нетвердых субстанций (сул. *čau* 'чай', *kara* 'масло').

В единственном числе в согласовании с существительными по роду участвуют: атрибутивные прилагательные (азерб. евр. *pisxanula*_{1 ж. р.} *rab-t-a₂* 'великая₂ радость₁', *ipra*_{1 м. р.} *smoq-a₂* 'красная₂ земля₁'), предикативные прилагательные (сул. *bela*_{1 м. р.} *ruww-a₂* 'семья₁ была большая₂', *xmata*_{1 ж. р.} *dewan-t-a₂-yela₃* 'иголка₁ была₃ золотая₂'), финитные глагольные формы (эрб. *dixtor*_{1 м. р.} *mir-e₂* 'доктор₁ сказал₂', *xmarta*_{1 ж. р.} *mir-a₂* 'ослица₁ сказала₂'), копула (сул. *tati*_{1 м. р.} *ga₂ Baydad₃-ye* 'Мой отец₁ — в₂ Багдаде₃'), указательные местоимения (арад. *awwa*₁ *gira*_{2 м. р.} 'этот₁ холм₂', *ayya*₁ *baxta*_{2 ж. р.} 'эта₁ женщина₂'). Во множественном числе согласование по роду утрачено.

У существительных, прилагательных, местоимений, глаголов и некоторых разрядов числительных выделяются два ч и с л а. Множественное число существительных обычно образуется заменой присущего большинству исконных субстантивных лексем окончания *-a* на показатель множественного числа *-el-i*. Для имен мужского рода с исходом на *-a* отмечены также суффиксы множественного числа *-ane*, *-ale*, *-awale*, *-awaye*: сул. *gud-a* 'стена' — мн. ч. *gud-ane*, *karm-a* 'сад' — мн. ч. *karm-ale*, *brona* 'сын' — мн. ч. *bron-awale*, *mala* 'деревня' — мн. ч. *mal-awaye*. У имен женского рода на *-t-a* отмечены суффиксы мн. ч. *-ye*, *-yane*, *-yawane*, *-yale*, *-yawale*: сул. *tor-ta* 'корова' — мн. ч. *tor-ye*, *dašta* 'поле' — мн. ч. *dašyane*, *aširta* 'вечер' — мн. ч. *ašir-yawane*, *zбота* 'палец' — мн. ч. *zbo-yale*, *xalusta* 'сестра' — мн. ч. *xalus-yawale*. Известно немало нерегулярных форм множественного числа, происхождение которых устанавливается с помощью реконструкции: арад. *māta* 'город' (< **mditta* < **mdinta*) — мн. ч. *mānāta*, сар. *šlūta* 'молитва' — мн. ч. *šlāwāti* (< **šlāwāta*, регулярный способ образования мн. ч. у имен на *-ūta* от корней с III слабым в классическом сирийском). Имеются существительные, которые выступают как *pluralia tantum*: сар. *dunyi* 'мир', *ixri* 'кал', *rūqi* 'слюна', сул. *ʒore* 'моча', *pare* 'деньги', *gare* 'крыша'. Некоторые из *pluralia tantum* требуют согласования по единственному числу: сул. *gare*_{1 мн. ч.} *belew₂ zora-у₃* ед. ч. 'крыша₁ его дома₂ маленькая₃'.

Посессивность выражается: 1) аналитической конструкцией с относительным местоимением **d(i)* в роли *nota genitivi*; 2) местоименными энклитиками, например, сул. *bel-ew* 'его дом', *bel-aw* 'ее дом', *bel-u* 'их дом', *bel-ox* 'твой_{м.р.} дом', *bel-ax* 'твой_{ж.р.} дом', *bel-axun* 'ваш дом', *bel-i* 'мой дом', *bel-an* 'наш дом'; 3) независимым притяжательным местоимением, включающим основу *d-lidd-ldid-* и местоименные энклитики, при этом определяемое может быть маркировано изафетным показателем (эрб. *xizme did-an* 'наши родственники', *xalw-id did-ax* 'твое молоко').

Аналитическая конструкция может принимать различный вид в зависимости от того, является ли рефлекс **d(i)* энклитикой или проклитикой. В некоторых северо-восточных Н.я. аналитическая посессивная конструкция принимает вид изафетной конструкции, где вершинное имя маркируется суффиксом *-id (-it)*, вытесняющим окончание *-a*. Имя с изафетным показателем *-id (-it)* может быть вершиной как именной группы, так и придаточного относительного: сул. *tar-id₁ bela₂* 'дверь₁ дома₂', *naši-d₁ welu₂ loka₃* 'люди₁, которые были₂ там₃'. В других северо-восточных Н.я. вершинное имя немаркировано, а постпозитивное субстантивное определение вводится морфемой *d(t)*: арад. *zawna d-baxar* 'весенний период'.

В экзистенциальных предложениях в качестве показателя принадлежности используется предлог *l-*, который употребляется с предикативным словом *it* или с копулой: эрб. *?itwā₁-l-u₂ moyāze₃* 'у них₂ были₁ склады₃', урм. *u ho brunā₁ qamāyā₂ d₃-qam hāwi₄ l-āh₅* 'и первый₂ сын₁, который₃ родился₄ (букв. 'был') у нее₅'.

Категория определенности у имен, как правило, получает формальное выражение в артиклях и глагольных инфиксах.

Показателями определенности служат указательные местоимения или определенные артикли, в основном представляющие собой заимствованные суффиксальные морфемы: арад. *matran₁ aw xa₂* 'новый₂ священник₁ опр.', сул. *mašk-ake₁ mašišiwala₂ u kar-ake₃ partiwala₄* 'Они встряхивали₂ маслобойку₁ опр. и получали₄ масло₃ опр.', к.-санд. хр. *ṭara-goni₁ lā ptixa₂* 'Дверь₁ опр. была открыта₂'. Определенный артикль участвует в образовании превосходной степени прилагательных: арад. *dukta₁ ay biš₂ tawta₃* 'самое₂ лучшее₃ место₁'. Показателями определенности субстантивного прямого дополнения являются объектные инфиксы или суффиксы при глагольных формах (некоторые из них восходят к связанным объектным местоимениям): *ixāzin baxta* 'Я вижу женщину_{неопр.}' vs. *ixāzin-na baxta* 'Я вижу женщину_{опр.}', *qrēle nāšalbaxtalnāše* 'Он позвал человека_{неопр.}/женщину_{неопр.}/людей_{неопр.}' vs. *qamqārē-le nāša* 'Он позвал человека_{опр.}', *qiry-ā-le baxta* 'Он позвал женщину_{опр.}', *qiry-ī-le nāše* 'Он позвал людей_{опр.}' (все примеры из арадин).

В качестве неопределенного артикля во многих диалектах выступает числительное *xa* 'один' (ж. р. *(x)da*). Как отмечалось в литературе, неопределенный артикль не является обязательным: он употребляется, чтобы подчеркнуть неопределенность имени (Г. Кротков), или для выделения имен, референтами которых являются особо значимые для участников коммуникации объекты (Дж. Хан): *xa rab₁ ?itwā₂-lan₃ maflīm₄ ?iṣṣa₅ kimriwāle₆* 'Был₂ у нас₃ раввин₁ неопр., его звали₆ раввин₄ Исхак₅...' (начало повествовательного эпизода).

Исконно арамейские и морфологически адаптированные заимствованные прилагательные различаются по роду в единственном числе и образуют формы множественного числа на *-e (-i)*, общие для обоих родов: сар. ед. ч. *+qayr-a* 'холодный', ж. р. *+qar-t-a*, мн. ч. *+qayr-i*; арад. ед. ч. *amūq-a* 'глубокий', ж. р. *amiq-t-a*, мн. ч. *amūq-e*. Для северо-восточных Н.я. (как и для туройо) характерна нейтрализация рода во множественном числе не только у прилагательных, но и у местоимений, причастий и личных глагольных форм. Родовое противопоставление во множественном числе сохранили лишь числительные первого десятка в некоторых диалектах.

Заимствованные прилагательные демонстрируют несколько степеней морфологической адаптированности:

— прилагательные, не имеющие показателей рода и числа (наиболее распространенный класс), например эрб. *gora kar* (< курд. *ker*) 'глухой человек', *baxta kar* 'глухая женщина', *nāše kar* 'глухие люди';

— прилагательные, имеющие показатель числа. В этом классе различаются два типа: с сохранением консонантного исхода в единственном числе (амад. *zangīn* 'богатый' < курд. *zengīn* — мн. ч. *zangīn-e*) и с добавлением суффикса *-a* в единственном числе (сар. *zard-a* 'желтый' < курд. *zerdzer* — мн. ч. *zard-i*);

— прилагательные, имеющие показатели числа и рода. При этом форма множественного числа идентична форме единственного числа женского рода (арад. *tarr-a* 'свежий' < курд. *ter*, ж. р. *tarr-e* — мн. ч. *tarr-e*).

Степени сравнения прилагательных и наречий выражаются аналитическим способом. Сравнительная степень выражается конструкцией, состоящей из частицы *buš/biš*, прилагательного или наречия и, если есть указание на объект сравнения — предлога *min-*: арад. *hēwāne₁ biš₂ gōre₃ min₄ tēre₅* 'животные₁, более₂ крупные₃, чем₄ птицы₅', эрб. *xanči₁ biš-hayu₂ zilli₃* 'Я пошел₃ немного₁ быстрее₂'. Превосходная степень выражается конструкцией, имеющей вид «*buš/biš* + прилагательное + *min kull(a)*»: эрб. *bela biš ruwwa mi-kulla bāte* 'самый большой дом'. Ограниченное применение имеет конструкция, включающая указательное местоимение, которое ставится непосредственно перед прилагательным или перед конструкцией «*biš* + прилагательное»: урм. *aw zora dile* 'самый младший ребенок', арад. *dukta ay biš tawta* 'самое хорошее место'.

У наречий, как правило, нет специфических словообразовательных аффиксов. Наречия часто представляют собой адвербиализованные существительные (эрб. *xela* 'внизу', *reša* 'вверху'), прилагательные, предложные сочетания (арад. *b-prišūta* 'отдельно, специально', *m-rwixūta* 'через'). В некоторых диалектах имеются реликты среднеарамейского наречного аффикса *-it*: сар. *†pars-it* 'по-персидски', эрб. *mi-qma?el* 'прежде' (< **qmāy-it*). В эрбиль отмечены редуцированные формы наречий: *har har* 'никогда', *xera xera* 'быстро', *sabir sabir* 'медленно, осторожно'.

Количественные числительные первого десятка сохраняют различие по роду в араичных еврейских текстах из Нервы, а также в христианских диалектах Юго-Восточной Турции (например джилу и хертевин) и Северо-Западного Ирака (арадин, алкош, мангеш, каракеш): арад. *†lāta*_{ж. р.} *xawrawāta* 'три друга', *†lilit*_{м. р.} *sallikyāta* 'три корзины'. Остальные количественные числительные неизменяемы: сар. *†šawwasar* 'семнадцать', *trimma* 'двести', *trē-alpi* 'две тысячи'. Порядковые числительные, за исключением числительного «первый» (сар. *qāmāya*_{м. р.}, *qāmēta*_{ж. р.}), образуются от количественных числительных и оформляются как изафетная конструкция: сар. *čtāv-id tre* 'вторая книга'.

В и д о - в р е м е н н ы е и м о д а л ь н ы е значения в глаголе выражаются синтетическим и аналитическим способами. Глагольные формы образуются от четырех типов основ. Две из них связаны с выражением прошедшего времени и совершенного вида: основа претерита *qṭill-* и основа перфекта *qṭīla-* (представлена не во всех диалектах). Основа инфекта *qāṭil-* связана с выражением настоящего-будущего времени и косвенной модальности (инъюнктива), она же употребляется для маркирования глагола-сказуемого в придаточных предложениях. Инфинитив *qṭāla* входит в состав аналитических форм прогрессива, которые также представлены не во всех диалектах.

Формы **qṭīl* и **qāṭil* использовались в качестве предикатов (с пассивно-результативным и активным процессным значениями соответственно) уже в среднеарамейских языках. Исторически они представляют собой продуктивные отглагольные прилагательные (в семитологической традиции — пассивные и активные причастия). Перфект *qṭīla* восходит к членной форме **qṭīl* и является специфически новоарамейским элементом глагольной парадигмы. Во всех северо-восточных Н.я. повеление выражается императивом.

Во многих северо-восточных Н.я. различаются три п о р о д ы (в некоторых диалектах инвентарь пород сокращен до двух). Первая порода (I) восходит к общеарамейской исходной породе *rəʕal* (G-порода), вторая (II) — к общеарамейской интенсивной породе *raʕel* (D-порода), третья (III) восходит к общеарамейской каузативной породе *ʕarʕel* (K-порода). Порода II малопродуктивна и представлена не во всех диалектах, семантика соответствующих форм в целом непредсказуема. Иногда у глаголов породы II наблюдаются каузативные значения (арад. *zwāna* 'покупать' > *mzabōne* 'продавать', *bšāla* 'созревать, кипеть' > *mbašōle* 'варить'); отмечены также примеры фактитивного значения (арад. *spāya* 'быть чистым' > *mšapōye* 'чистить'). По модели породы II регулярно образуются отыменные глаголы: сар. *pare* 'деньги' > *parri* 'платить', амад. *ħkkita* 'история' > *mħakoʕe* 'говорить, рассказывать', арад. *xawra* 'друг' > *mħawōre* 'дружить'. Напротив, порода III во многих диалектах продуктивна, и у целого ряда корней прослеживается ее каузативное значение (амад. *pliṭle* 'он ушел' > *mpliṭle* 'он вывел', эрб. *ʕzele* 'он увидел' > *miʕzele* 'он показал').

Для наиболее архаичных в отношении глагольной морфологии диалектов (таких, как каракош) характерны две особенности: четко выраженное противопоставление трех пород и наличие префикса *m-* лишь в основе инфекта производных пород. Как считает Дж. Хан, диахронически более продвинутую ступень отражают те диалекты, где префикс *m-* получают также основы императива и инфинитива производных пород (например, эн-нуне), что приводит к тому, что различия между формами пород II и III становятся минимальными. Следующую ступень развития представляют диалекты, в которых породы II и III слились (эрбиль, сулеймания, азербайджанские еврейские), при этом основы императива и инфинитива породы I могут принимать вокалический облик, присущий породе III (сулеймания).

Основные глагольные формы по породам

	Сардарид	Каракош	Эн-нуне	Эрбиль	Сулеймания
Порода I					
Инфект	<i>qāṭil</i>	<i>qaṭəl</i>	<i>qaṭil</i>	<i>qaṭil</i>	<i>qaṭil</i>
Претерит	<i>qṭil</i>	?	?	—	<i>qṭil/qṭil</i>
Перфект	<i>qṭila</i>	?	?	—	<i>qṭila/qiṭla</i>
Инфинитив	<i>qṭāla</i>	<i>qṭala</i>	<i>qṭala</i>	<i>qṭala</i>	<i>qaṭole</i>
Императив	<i>qṭul</i>	<i>qṭol</i>	<i>qṭul</i>	<i>qṭol</i>	<i>qaṭil</i>
Порода II					
Инфект	<i>qāṭil/qaṭṭill</i>	<i>mqaṭəl</i>	<i>mqaṭil</i>	—	—
Претерит	<i>qūṭil</i>	?	?	—	—
Перфект	<i>quṭill/quṭṭill</i>	?	?	—	—
Инфинитив	<i>qāṭüll/qaṭṭül</i>	<i>qaṭolə</i>	<i>mqaṭole</i>	—	—
Императив	<i>qāṭil/qaṭṭill</i>	<i>qaṭəl</i>	<i>mqaṭil</i>	—	—
Порода III					
Инфект	<i>maqṭil</i>	<i>maqṭəl</i>	<i>maqṭil</i>	<i>maqṭil</i>	<i>maqṭil</i>
Претерит	<i>miqṭil</i>	?	?	<i>miqṭil</i>	<i>miqṭil</i>
Перфект	<i>miqṭill</i>	?	?	—	<i>miqṭila/miqṭla</i>
Инфинитив	<i>maqṭül</i>	<i>ʔaqṭole</i>	<i>maqṭole</i>	<i>maqṭole</i>	<i>maqṭole</i>
Императив	<i>maqṭil</i>	<i>ʔaqṭəl</i>	<i>maqṭil</i>	<i>maqṭil</i>	<i>maqṭil</i>

Примечания: 1. Таблица, составленная Дж. Ханом и включающая данные по ряду диалектов Северного Ирака, дополнена данными о диалекте сардарид, представляющем диалекты Иранского Азербайджана, а также формами претерита и перфекта для всех пород. 2. Формы претерита и перфекта в эн-нуне не указаны ввиду отсутствия на данный момент полного грамматического описания. 3. В диалекте сулеймания вариативность $q\tilde{t}\tilde{l}/q\tilde{t}\tilde{l}$, $q\tilde{t}\tilde{l}a/q\tilde{t}\tilde{l}a$ и $m\tilde{q}\tilde{t}\tilde{l}a/m\tilde{q}\tilde{t}\tilde{l}a$ связана с переходностью и залоговыми значениями: $q\tilde{t}\tilde{l}$ (неперех.)/ $q\tilde{t}\tilde{l}$ (перех.), $q\tilde{t}\tilde{l}a$ (неперех.)/ $q\tilde{t}\tilde{l}a$ (перех.) и $m\tilde{q}\tilde{t}\tilde{l}a$ (пасс.)/ $m\tilde{q}\tilde{t}\tilde{l}a$ (перех.).

В образовании видо-временных форм участвуют разнообразные аналитические средства: препозитивные частицы, копулы и постпозитивная частица *-wa*. Для образования пассива используются вспомогательные глаголы, например амад. *ruša* 'становиться, начинать', амад. *itaya* 'приходить'.

Препозитивная частица *k-* (*q-*, *g-*, *č(i)-*), присоединяющаяся к основе инфекта, участвует в образовании хабитуальных форм презенса и имперфекта. Этимологически она связана с характерной для иудейского вавилонского арамейского частицей *qā-*, участвующей в глагольной конструкции со значением настоящего актуального; в диалекте арадин ту же функцию выполняет частица *i-*.

Частица *-wa-* участвует в образовании форм плана прошедшего: предпрошедшего, прошедшего прогрессивного, ирреалиса в прошлом.

Частица *qam-* присоединяется к основе презенса, образует так называемое «объектное спряжение», по видо-временному значению соответствующее претериту (арадин, амадия).

Частица *b(i)-* (*bd-/bāt-*) образует футурум от основы инфекта, а в ряде диалектов присоединяется и к инфинитиву, который входит в аналитические прогрессивные формы со вспомогательным глаголом «быть».

Частица *lā-/nā-* употребляется в ограниченном числе диалектов Ирака (еврейские: добе, рувандуз, рустака, шаклава и эрбил; христианские: кёй-санджак и бедьял). Присоединяясь к спрягаемой основе инфекта, она образует в этих диалектах настоящее актуальное. Эта частица участвует также в образовании перфекта от основы перфекта $q\tilde{t}\tilde{l}a$ и от претерита. Дж. Хан предполагает, что эта частица восходит к автономной копуле единственного числа женского рода $*?ila > lā > nā$. Ареал распространения этой частицы охватывает регион Ирака, примыкающий с юга и юго-востока к р. Большой Заб. Возможно, частицы прогрессива и перфекта *le* (санду) и *?ale* (барзани) также этимологически связаны с автономной копулой, но, вероятно, в форме единственного числа мужского рода ($*?ile$).

Частицы *nə* и, как предполагает Р. Боргеро, *ho* происходят от другой формы автономной копулы ($*hole > *le > nə$, $*hole > ho$) и имеют в диалектах, локализованных вокруг г. Акра в Северном Ираке, те же функции, что и частица *lā-/nā-*, присоединяясь к основам инфекта и перфекта.

Копулы образуются преимущественно от различных форм глагола $*hwy$ 'быть' (точнее, все разнообразие копулятивных форм может рассматриваться синхронно как супплетивная парадигма глагола «быть», включающая некоторые основы, этимологически не имеющие отношения к корню hwy). Например, в диалекте амадия формы копулы хабитуального презенса (3-е л. ед. ч. м. р. *k-awe*), футурума (*p-awe*), субъюнктива (*hawe*) и претерита (*wele*) являются спрягаемыми формами глагола hwy в породе I, а формы копулы актуального презенса (*i-le*) и прошедшего времени (*wewa*), используемые в именных предложениях, образованы от основы (*i*)*w-*, по-видимому, этимологически не связанной с глагольным корнем hwy . Копула может выступать как

пре- или постпозитивный спрягаемый элемент глагольных конструкций (амад. *ile bi-qṭala*, сар. *bi-qṭāl-ili* 'он убивает'). Постпозитивная копула присоединяется к глагольным основам и именам энклитически (сар. *-ili*, сул. *-у*, амад. *-(i)le, -wele*, эрб. *-wele*). Копула почти всегда обязательна в именном предложении: амад. *kalo-la* 'Она — невеста'. Препозитивная копула — автономный элемент, ее иногда называют эмфатической или дейктической (амад. *ile*, арад. *hule*, алк. *hole*, джил. *haynole*).

Ведущая роль в выражении значений времени и вида отведена претериту *qṭille* и инфекту *qaṭil*.

Претерит употребляется как главная нарративная форма в повествовании переднего плана: амад. *betan₁ kusle₂ l₃ moṣil₄... telan₅ l₆ yīrušalayim₇* 'Наша семья₁ **отправилась**₂ в₃ Мосул₄... (затем) мы **прибыли**₅ в₆ Иерусалим₇'. Претерит обозначает не только однократные ограниченные во времени действия в прошлом, но и действия или состояния, длившиеся определенный отрезок времени: *pišlan₁ tmanya₂ yarxe₃ tam₄* 'Мы **оставались**₁ там₄ восемь₂ месяцев₃'. В некоторых диалектах, где формы претерита *qṭille* не принимают местоименное дополнение, имеется глагольная форма, функционально соответствующая претериту, но образованная от основы инфекта с префиксом *qam-*: арад. *qam-xāzin-ne* 'Я видел **его**', амад. *viza didi qam-xatim-la* 'Он подписал мою визу' (букв. 'виза моя, он подписал **ее**').

От основы инфекта образуется ряд видо-временных форм индикатива (а также инфинитив). Так, проклитическая частица *k-* (*q-*, *g-*, *č(i)-*)/*i-* образует от инфекта хабикуальную презенс: сар. *qa d-ayya₁ čī-tāniy₂ lāvaš₃* 'Такой₁ (хлеб) **называют**₂ лаваш₃'; арад. *u min₁ amra₂ t-irwe₃ txwāre₃ y-aw dāx₄ žulle₅* 'А из₁ шерсти₂ овец₃ мы₄ **делаем**₅ одежду₆'. В еврейском диалекте эрбиль за счет разных частиц при инфекте дифференцированы значения хабикуалиса и прогрессива настоящего времени: хабикуалис (*k-*)*qaṭil* vs. прогрессив *lā qaṭil*. В большинстве диалектов проклитика *b-* (*bd-*, *bet-*)/*p-* образует от этой основы футурум (амад. *b-qaṭil*, арад. *bd-qāṭil*, сар. *bi-qāṭil*): бот. *p-torən₁-ne₂* 'Я освобожу₁ его₂'; арад. *ma₁ bd-aw dāx₂ axni₃ daha₄* 'Что₁ мы₃ теперь₄ будем делать₂?'.
 Основы перфекта *qṭīla-* со спрягаемой копулой *hule* (*(i)le, wille*) образует аналитический перфект (амад. *(i)le/wele qṭīla*, арад. *hule qṭīla*): амад. *?atta₁ kxazīn₂-ne₃, wele miṭya₄ l₅ kništa₆* 'Теперь₁ я вижу₂ его₃, он пришел₄ в₅ синагогу₆', *msabab₁ hule mīra₂ ṭālī₃* 'потому что₁ он **сказал**₂ мне₃'. В некоторых диалектах фонологически редуцированная копула присоединяется к основе перфекта энклитически: сар. *qṭīl-ili*, сул. *qṭīla-у*. В ряде диалектов Ирака перфект представляет собой конструкцию, состоящую из претерита и препозитивной частицы *lā* (*nā*): эрб. *lā qṭille*.

В двух временных планах — настоящего и будущего — дифференцированы видо-временные значения прогрессива и хабикуалиса. Настоящее актуальное, как правило, выражается перифразой, включающей презентную копулу и инфинитив *qṭala*, к которому в некоторых диалектах примыкает проклитическая частица *bi-* (амад. *ile bi-qṭala*, арад. *hule qṭāla*, сар. *bi-qṭāl-ili*, сул. *qaṭola-у*): амад. *gimra₁ ?ooo ?a ben-?adam₂ d₃ ile b-iṭaya₄, xa₅ ?ašir₆ gadol₇ gadol₇ wewa₈* 'Она говорит₁: «О! Человек₂, который **идет**₄ (сюда), был₈ когда-то₅ очень₇ богат₆»'. Конструкция на основе инфинитива, но с копулой прошедшего времени в некоторых диалектах выражает значение прошедшего прогрессивного (амад. *wele biqṭala*, арад. *wēwa qṭāla*): амад. *xa₁ yoma₂ min yomata₃ wele biḥraša₄ gn₅ kepe₆* 'В один₁ из дней₃ он **пахал**₄ среди₅ камней₆'. Прошедшее хабикуального типа, иногда называемое «имперфект», образуется от основы инфекта с постпозитивной частицей *-wa* (амад. *k-qaṭil-wa*, сар. *čī-qāṭil-wa*): сар. *ḥitti₁ čī-lablah-wa₂*

*il*₃ *maṣiune*₄ *maṣiune*₅ *ḥi-ōdiy-wa*₆ *qamḥa*₇ 'Пшеницу₁ мы приносили₂ к₃ мельнице₄. Мельница₅ делала₆ из нее муку₇'. Сходным образом частица *-wa* образует формы с относительными временными значениями предпрошедшего от претерита (арад. *qṭil-wā-le*) и перфекта (арад. *wēwa qṭila*, сар. *qṭil-i-wa*): арад. *u aradin*₁ *bzawna*₂ *dmatrān*₃ *mar fransīs*₄ *piš-wā-la*₅ *dīta*₆ *qam hukma*₇ *u qam kulle*₈ *nāše*₉ 'И Арадин₁ во времена₂ епископа₃ Мар Франсиса₄ стал₅ хорошо известен₆ и правительству₇ и всем₈ людям₉'; сар. *hal*₁ *āna*₂ *tāma*₃ ⁺*mīli*₄ *āni*₅ *ḥiṣ-iwa*₆ 'Когда₁ я₂ туда₃ пришел₄, они₅ (уже) ушли₆'.

В северо-восточных Н.я., как правило, имеется от двух до трех косвенно-модальных форм (не считая императива) с различной дифференциацией модальных значений. Наибольшее распространение получил юссив, представляющий собой чистую основу инфекта *qaṭil* без проклитической частицы *k-*: эрб. *b-iznid*₁ *didox*₂ *hawē*₃ 'Пусть будет₃ так, как ты пожелаешь₁₋₂'; *ma ʔamrinnoḥ* 'Что я должен сказать тебе?'.

Также имеются сложные модальные формы, образованные за счет энклитических и проклитических элементов преимущественно от основы презенса, в редких случаях — от перфекта и инфинитива (амад. *qaṭil-wa*, *b-qaṭil-wa*, сар. *bi-qāṭil-wa*, *bd-avī-wa qṭila*, арад. *yāwe qṭāla*). Эти формы обычно употребляются в предложениях ирреального условия.

В северо-восточных Н.я. имеется несколько способов выражения п а с с и в а.

1. Конструкция, образующаяся сочетанием финитных форм глагола *p-y-š* и пассивного причастия с *a*-расширением (т. е. омонимичного основе перфекта), представлена во многих диалектах Иранского Азербайджана, Юго-Восточной Турции и Северо-Западного Ирака. Авторы обзорных грамматик и описаний отдельных диалектов, как правило, называют ее «основной пассивной конструкцией». Такова, например, ситуация в арадин, где эта конструкция представлена в основных видо-временных формах: *pāyiš*_{през.} *qiryā* 'это называется'; *pešāwa*_{имперф.} *tiqyamta* 'исполнялась (служба)'; *pišle*_{прет.} *šqīla min qurdāye* 'был захвачен курдами'.

2. Во многих северо-восточных Н.я. получила распространение пассивная конструкция, образующаяся сочетанием финитных форм вспомогательного глагола *ṭ-t-y* 'приходить' и инфинитива. Как правило, эта конструкция употребляется наряду с конструкцией (1). Структурно тождественная конструкция с глаголом 'приходить' (*hātin*) для основных спрягаемых форм существует в курдском: *az tēm kuštine*_{инф.} 'меня убивают', *tu tēy kuštine*_{инф.} 'тебя убивают'. В обзорной грамматике диалектов Ирана и Курдистана Д. Стоддарт приводит для пассивной конструкции с глаголом *ṭ-t-y* парадигму основных видо-временных форм: *beṭayawin limxaya* 'меня бьют'; *beṭayawinwa limxaya* 'меня били'; *teli limxaya* 'меня побили'; *tīya winwa limxaya* 'меня побили_{предпрош.}'; *bitaṭi limxaya* 'меня будут бить'. Д. Стоддарт отмечает, что это «любимая форма пассива, употребляемая в каждодневной речи», видимо, противопоставляя вернакуляр литературному урмийскому. А. Маклин называет пассивную конструкцию с глаголом «приходить» более редкой, чем конструкция (1), и приводит только пример претерита: *tele liqtala* 'Он был убит'. Для диалекта эрбиль также имеются только примеры с претеритом: *bqrāwa beleu ʔilyele xrāwa* 'Во время войны его дом был разрушен'. Дж. Хан отмечает, что в эрбиль данная конструкция не предполагает стандартизованного обозначения агенса. Согласно Р. Хоберману, аналитический пассив в еврейском диалекте амадия ограничен претеритом и перфектом: *telu*₁ *huāwa*₂ *ta ualṭnke*₃ 'их дали₁₋₂ детям₃'; *ʔo*₁ *naša*₂ *ʔile*₃ *ʔitya*₄ *qitla*₄ 'Тот₁ человек₂ был₃ убит₄'. В последнем примере употреблен нерегулярный инфинитив *qitla*, присущий именно глаголу «убивать» в амадия. В арадин наряду с глаголом «приходить» в каче-

стве вспомогательного глагола употребляется также глагол *p-l-t* 'возникать, становиться', однако в роли лексического элемента при нем встречается не инфинитив, а другое имя действия: *plīṭe tabriya* 'Они были оправданы'.

3. Согласно А. Маклину, в диалектах горного Курдистана и в урми в значении пассивного претерита употребляется расширенная форма пассивного причастия без копулы (Курдистан) или с копулой (Курдистан и Урмия): арад. *qfīla (le)* 'Он был убит'; *xīla lkalba* '(Мука) была съедена собакой'.

Пассивное причастие может кодировать результирующую ситуацию, употребляясь как предикат именного предложения с копулой: эрб. *kurpičake₁ lawelu₂ misimqe₃* 'Кирпичи₁ не были₂ обожжены₃'; *lā yaze₁ gaw₂ kaxta₃ kliwele₄ min-ilid₅ malʔaxe₆* 'По содержанию письма₃ он видит₁, что оно написано₄ рукой₅ ангелов₆'.

Результирующие пассивные причастия в адъективном и субстантивном употреблении заполняют также именные синтаксические позиции: арад. *paqđiwāle₁ tla nīsa₂ lxuwwe₃ kul₄ dāna₅ tla ttāxilwa₆ masta₇* 'Они велели₁ укушенному₂ змеей₃ все₄ время₅ есть₆ йогурт₇'; эрб. *tre₁ beʔe₂ bšīle₃* 'два₁ вареных₃ яйца₂'; эрб. *tara₁ plixa₂ swiqelle₃ iyu₄ kābra₅* 'Этот₄ человек₅ оставил₃ дверь₁ открытой₂'.

4. В северо-восточных Н.я. широко употребительны неопределенно-личные конструкции с глаголом во множественном числе: эрб. *māla dwiqālu* 'Город был захвачен'; арад. *mpaṭti₁ mgāwe₂ mōxa₃* 'из нее₂ вынимают₁ мозг₃'.

М е с т о и м е н и я ближнего и дальнего дейксиса, а также независимые личные местоимения 3-го лица строятся на основе действительных элементов, засвидетельствованных в арамейских идиомах более ранних периодов: **hu-*, **hi-*, **ha-*, **hen-*, **han*, **-d-*, **i*. В реализациях основ отмечена консонантная диссимилиация (**ha-hu* > ?*ahu*), а также стяжение на разных его этапах (**ha-hu* > ?*ahu* > ?*aw*; **ha-hu* > **ʔahu* > **ʔaw* > ?*o*). Местоименное слово, за некоторыми исключениями, стремится к двусложности, что достигается в отдельных случаях присоединением суффиксов из числа указанных действительных элементов, а также инновативных элементов *-in*, *-hən*. По наблюдениям Дж. Хана, при образовании новых форм местоимений широко применяется принцип аналогии, в некоторых парадигмах отмечены выравнивание по роду (в единственном числе в еврейском диалекте эрбиль и в сулеймания), утрата противопоставления местоимений ближнего и дальнего дейксиса (во множественном числе в диалекте эрбиль), личных местоимений 3-го лица и дальнего дейксиса (в диалекте эрбиль). Для самостоятельных личных местоимений 1-го и 2-го лица также характерны общеарамейские основы, в некоторых случаях дополненные суффиксом *-in/-i*. Двусложность достигается, кроме того, расщеплением слога согласным *h* (**ʔat* > *ahət*, **ʔat* > *ahat*).

Притяжательные местоименные энклитики либо идентичны общеарамейским (3-е л. ед. ч. м. р. *-eh*, *-ah*, 1-е л. ед. ч. *-i*), либо очень близки им. Их форма в большинстве случаев не зависит от того, присоединяются ли они к основе в единственном или во множественном числе, за исключением отдельных диалектов (каракош). Среди инноваций стоит отметить, что противопоставление по роду во 2-м лице единственного числа выражается качеством гласного (м. р. *-ux/-ox*, ж. р. *-ax*), а не его количеством, как в среднеарамейских языках (м. р. **-āx*, ж. р. **-ax*). В урми имеются две формы местоименных энклитик 1-го лица множественного числа, инклюзивная и эксклюзивная (*malk-an* 'наш царь' vs. *malk-eni* 'наш (но не твой) царь'), в отличие от среднеарамейского, где выбор энклитики зависит от числа существительного, к которому она присоединяется (*malk-an* 'наш царь', *malkay-n* 'наши цари').

Для образования притяжательных местоимений служит основа *did-* (*diy-*) с притяжательными местоименными энклитиками. В некоторых еврейских диалектах Иракского (Юго-Восточного) Курдистана для 3-го лица используются самостоятельные личные местоимения с префигированным относительным местоимением *d-* (*d-o*, *d-oni*).

В функции возвратного местоимения в еврейских диалектах к востоку от р. Большой Заб выступает исконно арамейское существительное *nōša* (< **naṣša* 'душа'). В большинстве северо-восточных Н.я. в этой функции употребляется заимствованное из курдского или персидского существительное с тем же значением *ganal/genal/gyana* (< курд. *giyān*)/*žana* (< перс. *žān*) 'душа, тело'. В диалекте хертевин (так же, как в туройо и млахсо) возвратное местоимение имеет форму *ruh-*.

Независимые личные местоимения

			Каракеш	Эрбиль
Ед. ч.	3-е л.	м. р.	<i>ʔahu</i>	<i>ʔo</i>
		ж. р.	<i>ʔahi</i>	<i>ʔo</i>
	2-е л.	м. р.	<i>ʔahət</i>	<i>ʔat / ʔati</i>
		ж. р.	<i>ʔahat</i>	<i>ʔat</i>
	1-е л.		<i>ʔana</i>	<i>ʔana</i>
Мн. ч.	3-е л.		<i>ʔanhən</i>	<i>ʔoni</i>
	2-е л.		<i>ʔaxtun</i>	<i>ʔatxun</i>
	1-е л.		<i>ʔaxni</i>	<i>ʔaxnan/ʔatxan</i>

Указательные местоимения

			Каракеш	Эрбиль
Ближний дейксис	Ед. ч.	м. р.	<i>ʔaḏa</i>	<i>ʔiyua</i>
		ж. р.	<i>ʔaḏi</i>	<i>ʔiyua</i>
	Мн. ч.		<i>ʔanə</i>	<i>ʔanne</i>
Дальний дейксис	Ед. ч.	м. р.	<i>ʔawa</i>	<i>ʔo</i>
		ж. р.	<i>ʔaya</i>	<i>ʔo</i>
	Мн. ч.		<i>ʔane</i>	<i>ʔanne</i>

Структура глагольного корня в северо-восточных Н.я. в целом соответствует общерамейской и общесемитской. Основную часть корневого фонда составляют трехгласные корни, также имеется много четырехгласных корней. В описании еврейских диалектов Иранского Азербайджана И. Гарбелл не пользуется понятием породы, описывая все многообразие глагольных форм на базе корневых морфем и четырех «видовых» основ (дуратив, имперфектив, результатив/перфектив и императив).

Согласно И. Гарбелл, в построении глагольных основ в еврейских диалектах Иранского Азербайджана участвуют первичные корневые морфемы ($C_1C_2C_3$, $C_1w/\theta C_3$, $C_1y/\theta C_3$, θC_2C_3 , C_1C_2y/θ) и производные корневые морфемы двух типов: а) $mC_1C_2C_3$, mC_1C_2y/θ , mC_2C_3 , mC_1C_3 и б) $C_1C_3C_1C_3$, $C_1C_2C_1C_2$. Таким образом, в состав четырехсогласных корней включаются корни с формантом *m*-, образованные от «сильных» трехсогласных корней (азерб. евр. *m-pr-š* 'отделять' < *p-r-š* 'отделять(-ся)', *m-tr-k* 'покидать, пренебрегать' < *t-r-k* 'уходить, покидать'; в традиционных описаниях *m*- трактуется как префикс породы II или III), а в состав трехсогласных корней включаются корни с формантом *m*-, образованные от «слабых» трехсогласных корней (азерб. евр. *m-s-q* 'приносить' < *y-s-q* 'подниматься', *m-z-d* 'добавлять' < *z-y-d* 'увеличиваться'). Разработанный И. Гарбелл метод описания применим к большинству северо-восточных Н.я., однако в современной арамеистической литературе возобладало традиционное описание морфологии глагола, опирающееся на понятия корня и породы.

Четырехсогласные глагольные корни в традиционном понимании (без «породного» префикса *m*-) получили широкое распространение в северо-восточных Н.я. (Й. Сабар приводит список из около 570 четырехсогласных корней, охватывающий лексику большинства диалектов, за исключением диалектов Восточного Ирака и Иранского Курдистана). Они образованы различными морфологическими способами:

— редупликацией двухсогласного элемента на основе слабых глагольных корней Шу (*bkbk* 'хныкать' < араб. *bky* 'плакать'), удвоенных (*hlhl* 'таять' < араб. *hll*), а также именных двухсогласных корней (*dmdm* 'истекать кровью' < *dimma* 'кровь');

— редупликацией звукоподражательных элементов (*wzwz* 'жужжать');

— редупликацией отдельных корневых согласных (*tly* 'висеть' < *tly*, *tqnq* 'аккуратно устроить' < *tqn*, *šqlq* 'испытывать жгучую боль' < *šlq* 'кипеть');

— расширением трехсогласных корней различными согласными в начальной, конечной и срединной позициях (*pnpl* 'шататься' < *npl* 'падать', *qntr* 'завязывать' < *qtr*, *brsm* 'улыбаться' < араб. *bsm*, *yqrn* 'тяжелеть' < *yqr*).

Просодическая модель четырехсогласных глаголов соответствует просодической модели породы II или породы III (*paršiq* 'он рассеивает', *piršiqle* 'он рассеял', ср. *mgargiš* 'он тащит', *mgurgišle* 'он тащил').

В диалектах Иранского Азербайджана и некоторых иракских диалектах распространены составные глаголы. Это ареальная черта, присущая основным языкам-адстратам северо-восточных Н.я. (персидскому, азербайджанскому и курдскому), но источником ее считается персидский. Составные глаголы в северо-восточных Н.я. представляют собой полные или частичные кальки с персидского, в большинстве случаев, по-видимому, опосредованные курдским. Глагольный элемент в составных глаголах, как правило, арамейский, но являющийся калькой с соответствующего персидского глагола, именной элемент — заимствование или калька с курдского, персидского или азербайджанского: сар. *sāpar vatta* 'путешествовать', букв. 'путешествие делать' (перс. *safar kardan*); [†]*marra žrašta* 'страдать, мучиться', букв. 'болезнь тянуть' (перс. *darad kešīdan*); *mašq yawalta* 'обучать', букв. 'упражнение давать' (перс. *mašq dādan*).

В северо-восточных Н.я. представлены основные структурные типы субстантивных и адъективных *о с н о в*, засвидетельствованные в восточноарамейских языках более ранних периодов.

Среди деривационных *а ф ф и к с о в* употребительны следующие исконно арамейские морфемы: суффиксы абстрактных имен *-(y)utal-uytal-(an)ula* (сар. *šwawutal šwawuyta* 'соседство', *dižmana-yuta* 'вражда', азерб. евр. *qra-ula* 'чтение', сул.

piṣḫ-ana ‘радость’); суффикс имени деятеля и различных прилагательных *-ana* (сул. *kalw-ana* ‘писатель’, сар. *šaty-ana* ‘пьяница’, азерб. евр. *rumm-ana* ‘высокий’); суффиксы имен этно-религиозной и географической принадлежности *-aʔa* (сул. *hul-aʔa* ‘еврей’, *sur-aʔa* ‘христианин’), *-na* (азерб. евр. *arab-na* ‘араб’, *rus-na* ‘русский’); *-naʔa* (сар. *tehranʔa* ‘житель Тегерана’, азерб. хр. *urmiž-naʔa* ‘урмиец’); уменьшительный суффикс *-una* (*-ona*)/*-unta* (сар. *yal-una* ‘мальчик’, азерб. евр. *am-ona* ‘дядя по отцу’, сард. *qat-unta* ‘кошечка’; во многих случаях этот суффикс утратил значение уменьшительности).

С и н т а к с и с

Порядок слов в независимом глагольном предложении SOV: сар. *baxdunta₁ tarra₂ pātūx-ili₃* ‘Жена₁ открывает₃ дверь₂’; азерб. евр. *at₁ raba₂ špirula₃ gali₄ widet₅* ‘Ты₁ оказал₅ мне₄ большую₂ услугу₃’. Постановка прямого дополнения перед сказуемым характерна для основных языков-адстратов северо-восточных Н.я. и считается ареальной чертой данного региона.

В именных предложениях существительное-подлежащее и личное местоимение-подлежащее занимают первую позицию, предикат ставится перед глагольной связкой: сар. *sāvūniy₁ rāba₂ syasatmadar₃ nāš₃-iva₄* ‘Мой дедушка₁ был₄ очень₂ опытным политиком₃’; *ātin₁ xa malč₂-it₃* ‘Ты₁ (есть₃) царь₂’. В отрицательных именных предложениях глагольная связка (копула) располагается перед сказуемым: сар. *ʔarra₁ lēla₂ nīmanta₃* ‘Земля₁ не (есть₂) влажная₃’. Наличие копулы обязательно для независимого именного предложения (за редкими исключениями). Таким образом, предикативная связь выражается не синтаксически, а морфологически.

Экзистенциальные предложения строятся с помощью предикативного слова *it* и его отрицательной формы *lit*, которые занимают последнюю позицию в предложении: азерб. евр. *xa₁ bronā₂ it₃* ‘Есть₃ некий₁ мальчик₂’; *min₁ d-ay xabra₂ biš qalula₃ lit₄* ‘Нет₄ ничего легче₃, чем₁ это₂’.

Общевопросительное предложение не отличается по порядку слов от повествовательного. В частновопросительном предложении вопросительное местоимение занимает первую позицию: азерб. евр. *mānid₁ ayuā₂ muyli₃* ‘Что₁ это₂ значит₃?’.

С л о ж н о с о ч и н е н н ы е предложения соединяются сочинительными союзами *w-* (*u-*, *o-*) ‘и’, *-š* (*-iš*) ‘а, же’, *bale* ‘но’, *ʔamma* ‘но’, *yan* ‘или’: сул. *mirpale₁ reša₂ paskil₃-u liblale₄* ‘Он посадил₁ ее₁ на₂ мотоцикл₃ и забрал₄ ее₄’; азерб. евр. *at₁ qahba₂ o₃-š₄ ganawe₅-le* ‘Ты₁ проститутка₂, а₄ он₃ вор₅’. В повествованиях многих информантов преобладает бессоюзие: азерб. евр. *xillu₁ štelu₂ raba₃ psixlu₄* ‘Они ели₁, пили₂ и очень₃ радовались₄’, *hudayta₁ o₂ arel₃* ‘(Она была) еврейка₁, (а) он₂ необрезанный₃’, сул. *ana₁ hitwali₂ axinnawa₃ xala₄ litwali₅ zoda₆ pare₇ dariqnawa-wa₈* ‘Я₁ имел₂ (достаточно) еды₄, чтобы поесть₃, (но) у меня не было₅ лишних₆ денег₇, (чтобы) накопить₈’. Широко распространены сериальные глаголы, которые, как правило, не соединены союзом: азерб. евр. *yriqlu zillu* ‘Они убежали’ (букв. ‘Они бежали они ушли’); *silax₁ bronā₂ mdile₃ gebi₄* ‘Иди₁ (и) приведи₃ ко мне₄ мальчика₂’.

О т н о с и т е л ь н ы е придаточные в некоторых диалектах вводятся союзом *ki* (*či*), заимствованным из персидского через курдский. В остальных диалектах сохраняется неизменяемое относительное местоимение **d*, обычно реализующееся как суффикс, маркирующий вершинное имя *-id* (*-it*), или как проклитическая частица *d-* (*t-*), примыкающая к зависимому члену атрибутивной конструкции: сул. *naši-d₁ welu₂ loka₃* ‘люди₁, (которые) были₂ там₃’; арад. *mʔarsāna₁ t-ʔarxe₂ āwēl₃ d₄-yade₅ māṭu₆ xāpīrra₇ katta t-ʔarxe₈* ‘Мастер₁ мельниц₂ — это тот₃, кто₄ знает₅, как₆ выточить₇ мель-

ничный жернов⁸. Отмечены также бессоюзные относительные придаточные: арад. *xa qēšā₁ zūra₂ pāyīš qiryā₃ qāṭṭīwa₄* ‘Маленькая₂ деревяшка₁, которая называется₃ qāṭṭīwa₄’.

Придаточные цели вводятся союзами *tla d-(t-)* и *ki (čī)*, а также бессоюзно: арад. *u hāda_{x1} ayu₂ pišla₃ ṭlāle₄ dīye dumya₅ tla t₆-la-āzin₇ m-xawrawāta₈ bīše₉ abadan₁₀* ‘Итак₁ это₂ стало₃ для него₄ предостережением₅, чтобы₆ он никогда₁₀ не общался₇ (букв. ‘не ходил’) с дурными₉ приятелями₈’. В диалектах Восточного Ирака используется несколько союзов для введения целевых придаточных (эрб. *ḥatta, l-, ta, xāṭir, min-ṭarafit*; сул. *ka-ga-, ta-, baqa, m-qam-d-awa, ḥatta*): эрб. *lā lyeli₁ ta₂-brāto_{x3} hawt₄-illa ta₅ bronī₆* ‘Я пришел₁, чтобы₂ ты выдал₄ свою дочь₃ за₅ моего сына₆’.

Предложения реального условия вводятся союзами *agar (ažar, aža)* и *in*, а также бессоюзно. Глагольное сказуемое в протасисе имеет форму презенса или претерита, в аподосисе — футурума: азерб. евр. *agar₁ xa tka₂ hawet₃ bay₄ damxen₅* ‘Если₁ ты дашь₃ мне₄ место₂, я посплю₅’; *la₁ plitle₂ gena₃ fisse₄ kwinnxun₅* ‘(Если) ничего не₁ выйдет₂, я все же₃ дам тебе₅ деньги₄’.

Предложения нереального условия вводятся союзом *in* или бессоюзно: азерб. евр. *ya₁ uilen₂ b-la₃ odinwa₄* ‘(Если бы) я знал₂, я бы этого₁ не₃ сделал₄’.

Л е к с и к а

Возможности анализа лексических данных северо-восточных Н.я. ограничены небольшим количеством диалектов и диалектных кластеров, для которых имеются глоссарии и словари.

Словарь Й. Сабара, отражающий лексику еврейских диалектов Северо-Западного Ирака, включает около 7500 лексем. Заимствованная лексика в этих диалектах представлена тремя основными группами: арабизмы (около 1800 лексем, 23%), курдизмы (около 1000 лексем, 12%) и гебраизмы (около 600 лексем, 7,5%). Значительно слабее представлены персидские заимствования (около 80 лексем, 1,1%) и тюркизмы (около 80 лексем, 1,1%). Относительно большое количество гебраизмов, видимо, объясняется тем, что в словарь Й. Сабара включен материал архаичных религиозных текстов из Нервы и других центров новоарамейской еврейской письменности. О лексике еврейских диалектов Иракского (Юго-Восточного) Курдистана дают представление глоссарии (объемом около 1500 слов) в исследованиях Дж. Хана, посвященных диалектам эрбиль и сулеймания-халабджа. Здесь соотношение заимствований иное: преобладают курдизмы (эрбиль 28,8%, сулеймания 30,6%), значительно меньше арабизмов (эрбиль 10,7%, сулеймания 8,7%) и гебраизмов (эрбиль 2%, сулеймания 1,5%), имеется незначительное количество тюркизмов. Что касается еврейских диалектов Иранского Азербайджана, то здесь имеются данные И. Гарбелл (словник из 2155 слов) о курдских заимствованиях и тюркизмах. Оценить данные И. Гарбелл довольно трудно, поскольку наиболее значительную группу составляют лексемы, атрибуция которых колеблется между курдским и азербайджанским, их насчитывается 636 (29,5%); бесспорных курдизмов насчитывается 423 лексемы (19,6%), тюркизмов — 224 лексемы (10,4%). В лексиконе христианских северо-восточных Н.я. значительное место занимают заимствования из классического сирийского, однако они, как и гебраизмы в еврейских диалектах, в основном связаны с религиозно-культурной сферой и слабо адаптированы.

Во всех диалектах лексемы исконно а р а м е й с к о г о происхождения составляют в среднем 40–50% словаря. Они отмечены в наиболее базовых пластах лексики, таких как названия частей тела (арад. *šabeyta* ‘палец’, херт. *berka* ‘колени’, джил.

⁺*bsra* ‘мясо’, херт. *demma* ‘кровь’, захо *ṭupra* ‘ноготь’), явлений природы и элементов ландшафта (арад. *ara* ‘земля’, джил. *telga* ‘снег’, херт. *meṭra* ‘дождь’), домашних и диких животных (арад. *ṛba* ‘овца’, херт. *barxa* ‘ягненок’, захо *giḏya* ‘козленок’, арад. *dībbūra* ‘оса’), растений (джил. *ilāna* ‘дерево’, дих. *bisma* ‘ароматическая смола’, херт. *beṣla* ‘лук’, херт. *tena* ‘инжир’), обозначения людей и термины родства (херт. *ʔaxōna* ‘брат’, джил. *bruna* ‘сын’, джил. *gawra* ‘муж, мужчина’, арад. *nāša* ‘человек’), названия временных промежутков и времен года (арад. *šēta* ‘год’, захо *qēta* ‘лето’, арад. *sitwa* ‘зима’), термины строительства, обозначения предметов быта, утвари (захо *bēsa* ‘дом’, захо *squṭta* ‘дверной косяк’, дох. *buqta* ‘бутылка’, херт. *bera* ‘колодец’), названия продуктов питания (херт. *beṭta* ‘яйцо’, азерб. хр. *gʷōza* ‘лесной орех’, арад. *dūša* ‘мед’, джил. *gupta* ‘сыр’), обозначения некоторых других базовых понятий (джил. *giba* ‘сторона, часть’, нер. *nixputa* ‘робость, стыд’, захо *sahza* ‘свидетель’).

Арамейскими по происхождению являются важнейшие качественные прилагательные (арад. *xāta* ‘новый’, херт. *ʔattira* ‘богатый’, арад. *atīqa* ‘старый, древний’, джил. *reḡixa* ‘мягкий’, захо *ṣaḡūša* ‘густой’, *baṭila* ‘ленивый, безработный’, арад. *riḡqa* ‘далекий’, *rāba* ‘большой’, джил. *xrena* ‘другой’, *kuma* ‘черный’) и многие основные глаголы, обозначающие движения, физиологические и другие действия, психологические состояния, виды деятельности (арад. *āzil* ‘идти’, захо *āxil* ‘есть’, джил. *yalap* ‘учить’, нер. *ʔāte* ‘приходить’, захо *bāzir* ‘разбрызгивать’, азерб. хр. *bāye* ‘желать’, арад. *pāšil* ‘готовить пищу’, азерб. хр. *gāxik* ‘смеяться’, захо *dālip* ‘протекать, сочиться’, азерб. хр. *sāxī* ‘плавать’, *yāsiq* ‘выходить’, арад. *qāyim* ‘вставать’).

Арамейское происхождение имеют количественные числительные (арад. *alpa* ‘тысяча’, азерб. хр. *arpa* ‘четыре’), личные и указательные местоимения (джил. *ana* ‘я’, арад. *axṭun* ‘вы’, *āwa* ‘этот’, *awaʔha* ‘тот’), некоторые наречия (джил. ⁺*tama* ‘там’) и многие предлоги (арад. *bēl* ‘между, среди’, джил. *golḡaw-* ‘внутри’, арад. *imma* (d-) ‘с’, азерб. хр. *qām* ‘перед’). Ряд исконно арамейских лексем имеет значения, не отмеченные в арамейских языках более ранних периодов: захо *dōba* ‘текущий, прозрачный мед’ (ср. иуд.-арам. *dōba* ‘болезненное истечение’). Имеются также новые дериваты от общеарамейских глагольных корней и именных корней: захо *dabūša* ‘липкий’, *dabiš* ‘становиться липким’ (кл. сир. *debša* ‘мед’).

Лексические заимствования из к у р д с к о г о относятся к разным эпохам, о чем свидетельствует разная степень морфологической адаптации заимствованных лексем (курдские этимоны приводятся ниже в записи, принятой в Курдско-русском словаре К.К. Курдоева). По предположению Г. Кроткова, курдизмы, заимствованные в более ранние периоды, приобрели арамейские окончания: захо ⁺*gira* ‘холм’ < курд. *gir*, арад. *barāna* ‘баран’ < курд. *beran*, захо *sīrikta* ‘чеснок’ < курд. *sīrik*. Курдизмы наиболее широко представлены в следующих семантических группах:

— предметы быта (захо *čīq* ‘ширма из тростника’ < курд. *çîx*, *çingirta* ‘коврик’ < курд. *çinger*, арад. *darbaste* ‘носилки’ < курд. *darbest*);

— наименования отрезков и моментов времени (захо *damma* ‘время, момент времени’ < курд. *dom*, нер. *žār* ‘раз’ < курд. *car*, сул. *šaw* ‘ночь’ < курд. *şev*, эрб. *pāyez* ‘осень’ < курд. *payîz*);

— названия частей тела (сул. *qoḡa* ‘рука’ < курд. *qol*, *paraswa* ‘ребро’ < курд. *parsû*, азерб. евр. *čanga* ‘ладонь’ < курд. *çeng*);

— названия животных (заимствования, относящиеся к данной семантической группе, особенно характерны для диалекта сулеймания: *čolaka* ‘птица’ < курд. *çoleke*, *tauīn* ‘лошадь’ < курд. *mehin*, *kalašer* ‘петух’ < курд. *keleşer*);

— названия растений (захо *dāra* 'дерево' < курд. *dar*, азерб. евр. *darčîn* 'корица' < курд. *darçîn*, захо *hināra* 'гранатовое дерево' < курд. *hinar*, *dār-balūta* 'дуб' < курд. *dara palût*);

— названия продуктов питания (арад. *žāžik* 'мягкий сыр с травами' < курд. *jajî*, арад. *masta* 'йогурт' < курд. *mast*, азерб. евр. ⁺*lwaša* 'тонкий круглый хлеб' < курд. *lewaş*);

— термины родства и обозначения людей (сул. *nawaga* 'внук' < курд. *nevî*, херт. *tama* 'дядя по отцу' < курд. *tam*, захо *kačče* 'девушка' < курд. *keç*);

— обозначения профессий и родов занятий (захо *dāpirke* 'повивальная бабка' < курд. *dapîr*, *dādōke* 'кормилица' < курд. *dad*, *nobadar* 'ночной сторож' < курд. *nobetdar*);

— наименования болезней и лекарств (азерб. евр. *dard* 'боль, недомогание' < курд. *dard*, захо *žān* 'острая боль, родовые муки (мн. ч.)' < курд. *jan*, сул. *darmana* 'лекарство' < курд. *derman*).

Курдизмы представлены также во многих других семантических группах: захо *zōma* 'группа деревень, участвующих в совместной стрижке овец' < курд. *zome*, сул. *pare* 'деньги' < курд. *perelpare* (< турец. *para*), захо *zūrāne* 'детский плач' < курд. *zûre*, азерб. евр. *šappa* 'волна' < курд. *šape*, захо *čan* 'некоторый' < курд. *çen*.

Значительное число курдизмов отмечено среди наречий и других неизменяемых слов: захо *darva* 'снаружи' < курд. *derva*, *drangi* 'поздно' < курд. *derengi*, к.-санд. *balki* 'возможно' < курд. *belkî*.

Из курдского заимствованы некоторые качественные прилагательные: к.-санд. *žwān* 'молодой' < курд. *ciwan*, захо *žōnaka* 'темный' < курд. *cun* 'серый', сул. *har* 'жесткий, упрямый' < курд. *har*, захо *čalang* 'старательный' < курд. *çalak*.

В словаре Й. Сабара отмечено около 150 арабизмов, заимствованных через курдское посредство. Лишь в отдельных случаях фонетические и морфологические критерии позволяют с уверенностью утверждать, что те или иные арабизмы были заимствованы опосредованно через курдский. Так, в курдском арабское *t* как правило передается как *d*, что отражено в таких примерах, как арад. *dawla* 'барабан' < курд. *dawul* < араб. *ṭabl*-. Для курдского также характерно сохранение классического арабского суффикса женского рода *-at*, который в арабских диалектах обычно отражается как *-a* или *-e* (сул. *ḥukumat* 'правительство' < курд. *hukumet* < кл. араб. *ḥukūmat*-; *saḥat* 'час' < курд. *saet*, *sehet* < кл. араб. *sāḥat*-). Еще одним признаком опосредованных арабизмов является использование форм арабского «ломаного» множественного числа в значении единственного числа (эрб. *tužžār* 'купец' < курд. *tucar* 'купец' < араб. *tužžār*- 'купцы').

В некоторых регионах распространения северо-восточных Н.я. отмечено значительное количество арабизмов, заимствованных напрямую. Арабизмы представлены в различных семантических полях:

— названия предметов быта (захо *žirāde* 'лестница' < араб. *židār*-, арад. *žeba* 'карман' < араб. *žayb*-, сул. *žulla* 'одежда' < араб. *žullat*-, захо *žihāze* 'наряд невесты' < араб. *žihāz*-);

— названия профессий и родов занятий (захо *tilžaman* 'переводчик' < араб. *taržumān*-, *γawwāša* 'ныряльщик' < араб. *γawwāš*-, ⁺*γulāma* 'слуга' < араб. *γulām*-, *wakil* 'агент' < араб. *wakīl*-);

— социальная и административная сфера (кар. *žamāya* 'община' < араб. *žamāyat*-, захо *žōqa/žafqa* 'секта, группа' < араб. *žawqat*-, нер. *žayš* 'армия' < *žayš*-, захо *dawrīya*

‘полицейский патруль’ < араб. *dawriyyat*-, сул. *baladya* ‘муниципалитет’ < араб. *baladiyyat*-, *wazāra* ‘министерство’ < араб. *wizārat*-);

— обозначения временных промежутков (араб. *saʿa* ‘час’ < араб. *sāʿat*-, захо *daqīqa* ‘минута’ < араб. *daqīqat*-, *hayat* ‘период времени’ < араб. *ʔayyām*- ‘дни’);

— названия животных (захо *žurda* ‘крот’ < араб. *žurad*-, *žahša* ‘молодой осел’ < араб. *žahš*-, захо *hut* ‘крокодил’ < араб. *hūt*-);

— названия частей тела (захо *saqa* ‘нога’ < *sāq*-, захо *hawēžibe* ‘гениталии’ < араб. *hawāžib*-);

— обозначения абстрактных понятий (захо *žid* ‘эффективность’ < *židd*-, *žabrāyi* ‘принуждение’ < араб. *žabr*-, *γam* ‘забота, беспокойство’ < араб. *γamm*-, пер. *γašib* ‘агрессия’ < араб. *γašb*-, азерб. хр. *žuwab* ‘ответ’ < араб. *žawāb*-).

Из арабского заимствованы некоторые глаголы: захо *γādir* ‘обмануть’ < араб. *γadara*, *dāyiq* ‘разбивать, измельчать’ < араб. *daqqa*, *dāxil* ‘входить’ < араб. *daḥala*, *māḥib* ‘любить’ < араб. *ḥabba*, *mžaddid* ‘обновить’ < араб. *žaddada*, кар. *mžawəb* ‘ответить’ < араб. *žāwaba*, захо *mžahid* ‘спорить’ < *žahada*.

Специальных исследований по хронологической стратификации арабизмов в Н.а. не проводилось. В то же время известны некоторые признаки, характеризующие более древние арабизмы. Так, предполагают, что переход *iʔ > iʔ > e* характерен для ранних арабизмов (захо *g-nāfe* ‘он получает выгоду’ < араб. *nāfiʔ*), в то время как в более поздних заимствованиях он не наблюдается (захо *qāli* ‘он уходит’ < араб. *qāliʔ*).

Среди г е б р а и з м о в, представленных главным образом в еврейских северо-восточных Н.я., выделяется основная группа лексем, имеющих отношение к традиционным ценностям еврейской культуры и сферам жизни, связанным с религией и ритуалом: захо *malax* ‘ангел’ < др.-евр. *malʔāx*, *ḥazzan* ‘кантор’ < др.-евр. *ḥazzān*, азерб. евр. *baraxa* ‘благословение’ < др.-евр. *bərāḳā*, к.-санд. *betaḥayme* ‘кладбище’ < др.-евр. *bet haḥayyim*. Большинство носителей еврейских северо-восточных Н.я. в настоящее время живут в Израиле, вследствие чего в их речи присутствует значительное количество «новых» гебраизмов: сул. *ʔaz* ‘тогда’ < ивр. *az*, *ʔaval* ‘но’ < ивр. *aval*. Для старых гебраизмов характерно сохранение геминии, передача шва как *a*, сохранение смычного *b* в тех позициях, где в современном иврите на его месте выступает спирант *v*.

Т ю р к и з м ы (заимствования из огузских языков и диалектов) представлены очень неравномерно в различных группах диалектов. В диалектах к востоку от р. Большой Заб тюркизмов чрезвычайно мало, они либо опосредованы курдским, либо представляют собой относительно недавние заимствования, связанные с современными реалиями (к.-санд. *safarballəg* ‘Первая мировая война’, букв. ‘мобилизация’ < турец. *seferberlik* ‘мобилизация’, *šamandafar* ‘поезд’ < турец. *šimendifer*). Диалект каракош, локализованный несколько ближе к региону распространения турецкого и других огузских языков, представляет собой промежуточный пример: здесь тюркизмов больше, но в основном это лексика, ограниченная хозяйственно-бытовой сферой — наименования блюд (*γapraγə* ‘фаршированные виноградные листья’ < турец. *γaprak*, *pačə* ‘холодец’ < турец. *pača*) и предметов домашнего и хозяйственного обихода (*balta* ‘большой нож’ < турец. *balta*, *kəçalkača* ‘войлочный коврик’ < азерб. *käçä*). В горских диалектах юго-западной Турции, судя по лексике джилу, собранной С. Фоксом, чистых тюркизмов не более 5% лексикона, что вполне объяснимо: до начала XX в. в этом регионе доминирующим языком был курдский, а не турецкий. Укорененность турецких заимствований в лексиконе джилу выше, чем в каракош:

среди тюркизмов имеются прилагательные (*duz* ‘правильный’ < турец. *düz*) и модальные слова (*žarək* ‘надо, следует’ < азерб. *ğäräk*), что может свидетельствовать о давних контактах джилу с огузскими языками. Совершенно иная картина наблюдается в диалектах Иранского Азербайджана, где тюркская лексика составляет значительную долю лексикона. К сожалению, дать сколько-нибудь точную статистическую оценку тюркизмов здесь невозможно, поскольку далеко не всегда можно атрибутировать этимоны, имеющиеся и в огузских языках, и в курдском. В этом регионе носители северо-восточных Н.я. длительное время контактировали с носителями местных тюркских диалектов, в частности с азербайджанским языком, что находит подтверждение в словниках И. Гарбелл (еврейские диалекты) и Э. Черулли (христианские диалекты), где тюркизмы представлены в различных семантических полях и лексических классах:

— быт и хозяйство (азерб. евр. ⁺*žanta* ‘сумка, рюкзак’ < турец. *çanta*, азерб. евр. *qulpa* ‘ручка сосуда’ < турец. *kulp*);

— сельское хозяйство и охота (азерб. евр. *oraxča* ‘серп’ < азерб. *orax-ça*, азерб. евр. *suri* ‘стадо’ < азерб. *sürü*, азерб. евр. ⁺*duzax* ‘ловушка’ < азерб. *duzax*, азерб. евр. ⁺*awči* ‘охотник’ < азерб. *avçi*);

— одежда (азерб. хр. *yalexda* ‘платок, косынка’ < азерб. *yaylıq-da*, азерб. евр. ⁺*qondara* ‘туфли’ < турец. *kundura*, азерб. евр. *уахха* ‘воротник’ < турец. *yaka*);

— домашние и дикие животные (азерб. евр. *geči* ‘коза’ < азерб. *geçi*, азерб. евр. ⁺*dawšan* ‘заяц’ < азерб. *dovşan*);

— растения (азерб. евр. *yonža* ‘клевер’ < турец. *yonca*, азерб. евр. ⁺*qizilgul* ‘роза’ < азерб. *qizilgül*, азерб. евр. *tikan* ‘колючка’ < азерб. *tikän*);

— ландшафт (азерб. евр. *dara* ‘долина’ < азерб. *därä*, азерб. хр. *meša* ‘лес’ < азерб. *mešä*);

— части тела (азерб. евр. ⁺*qollqola* ‘рука’ < азерб. *qol*, азерб. евр. *dilçakta* ‘язычок (uvula)’ < азерб. *dilçäk-ta*, азерб. евр. ⁺*baş-parmayi* ‘большой палец’ < турец. *başparmak*, азерб. евр. ⁺*uşayliş* ‘матка’ < азерб. *uşaqlıq*);

— наименования профессий (кар. *kəçäci* ‘валяльщик’ < азерб. *keçäçi*, азерб. евр. *çoragçi* ‘пекарь’ < азерб. *çöräkçi*, азерб. евр. ⁺*qondaraçi* ‘сапожник’ < азерб. *qunduraçi*);

— абстрактные понятия (азерб. евр. *češid* ‘вид, сорт’ < азерб. *çešid*, азерб. евр. *komag/komagula* ‘помощь’ < азерб. *kömäg*, азерб. евр. *olçu* ‘мера’ < турец. *ölçü*).

Из тюркских языков заимствовано довольно много качественных прилагательных (азерб. хр. *çatün* ‘трудный’ < турец. *çetin*, азерб. хр. *dūs/duys* ‘прямой, правильный’ < турец. *düz*, азерб. евр. ⁺*açıy* ‘светлый’ < азерб. *açıq*, азерб. евр. *darin* ‘глубокий’ < азерб. *därin*), а также наречий (азерб. евр. *birdanbira* ‘внезапно’ < азерб. *birdänbirä*, азерб. евр. ⁺*onda* ‘тогда’ < азерб. *onda*, азерб. евр. *tez* ‘быстро, рано’ < турец. *tez*).

Заимствования из персидского языка в диалектах Н.я. Ирака ограничены в основном обозначениями предметов быта, многие из которых опосредованы курдским (захо *çarxa* ‘колесо’ < *çärx*, *hinjār* ‘отвес’ < *henjar*, *darwāza* ‘ворота’ < *därwaze*, *kālike* ‘сандалии’ < перс. *kālak*). В диалектах Иранского Азербайджана и Ирана персидские заимствования представлены значительно шире, однако большая часть их также опосредована курдским или азербайджанским. Они относятся к следующим семантическим группам:

— названия растений и животных (азерб. хр. *kalam* ‘капуста’ < перс. *karam*, азерб. евр. ⁺*kahu* ‘салат-латук’ < перс. *kāhū*, ⁺*gamış* ‘буйволица’ < перс. *žāmūš*, азерб. евр. *žiža* ‘курица’ < перс. *žūžā*);

— термины военного дела (азерб. хр. *kōšun* ‘армия’ < перс. *qošūn*, азерб. евр. *bayray* ‘флаг, знамя’ < перс. *bairāq*, *farmayış* ‘приказ, команда’ < перс. *farmāyiš*, *gulla* ‘пуля’ < перс. *gulūla*);

— магия и мифология (азерб. евр. ⁺*kaftyar* ‘ведьма, колдунья’ < перс. *kaftār*, ⁺*žadu* ‘магия’ < перс. *žādū*, *afsun* ‘волшебство, фокус’ < перс. *afsūn*, *dewzad* ‘демон, монстр’ < перс. *dev-zād*);

— абстрактные понятия (азерб. хр. *nist* ‘ничто’ < перс. *nīst*, *piškʷa* ‘судьба, случай’ < перс. *pešk*, *kʷār* ‘эффект, результат, следствие’ < перс. *kār*, *sawda* ‘торговля’ < перс. *sawdā*).

В речи ассирийцев, проживающих на территории России и Закавказья, много русизмов и заимствований в разных областях лексики. Согласно Н.В. Юшманову, в урми часть русских заимствований проникла еще в XIX в. в связи с пребыванием русской армии в Урмии: *yaralan* ‘генерал’, *dišla* ‘дышло’. В литературе отмечаются и другие русские заимствования в лексическом материале, собранном за пределами России и бывшего СССР. Это главным образом названия предметов домашнего обихода, средств транспорта, термины военного дела и др. Для еврейских диалектов Иранского Азербайджана имеются следующие данные (И. Гарбелл): ⁺*adyal* ‘одеяло’, *droska* ‘дрожки’, ⁺*praxod* ‘пароход’, ⁺*ryan* ‘пьяный’, *put* ‘пуд’, ⁺*čaynik* ‘чайник’, *žiletka* ‘жилетка’, *kaliska* ‘коляска’, ⁺*stol* ‘стол’, ⁺*istikan* ‘стакан’, ⁺*iškap* ‘шкаф’, ⁺*lotka* ‘лодка’, ⁺*yubqa* ‘юбка’, ⁺*aqišqa* ‘окошко’, ⁺*samawar* ‘самовар’ (ср. также захо *samāwar*, хр. урм. *simawar*). Архаичный характер некоторых из этих заимствований указывает на их проникновение в соответствующие диалекты в XIX в. или в начале XX в. Многие из этих русизмов опосредованы курдским, турецким и персидским (ср. перс. *samāwar*).

ЛИТЕРАТУРА

- Церетели Г.В.* Современный ассирийский язык. М., 1964.
- Юшманов Н.В.* Сингармонизм урмийского наречия // Памяти акад. Н.Я. Марра. М.; Л., 1938.
- Cerulli E., Pennacchietti F.A.* Testi neo-aramaici dell’Iran settentrionale. Napoli, 1971.
- Chyet M.L.* Neo-Aramaic and Kurdish: An Interdisciplinary Consideration of Their Influence on Each Other // IOS, 1995, vol. 15.
- Cohen D.* Neo-Aramaic // Encyclopaedia Judaica. Jerusalem; New York, 1971, vol. 12.
- Fox S.E.* The Relationships of the Eastern Neo-Aramaic Dialects // JAOS, 1994, vol. 114.
- Garbell I.* The Jewish Neo-Aramaic dialect of Persian Azerbaijan: Linguistic Analysis and Folkloristic Texts. The Hague, 1965.
- Goldenberg G.* Early Neo-Aramaic and Present-Day Dialectal Diversity // JSS, 2000, vol. 45.
- Hoberman R.D.* The History of the Modern Aramaic Pronouns and Pronominal Suffixes // JAOS, 1988, vol. 108.
- Hopkins S.* Neo-Aramaic Dialects and the Formation of the Preterite // JSS, 1998, vol. 34.
- Jastrow O.* The Neo-Aramaic Languages // The Semitic Languages / Ed. by R. Hetzron. London, 1997.
- Jastrow O.* Neo-Aramaic Dialectology. The state of the art // Shlomo Izre’el (ed.). Semitic Linguistics: The State of the Art at the Turn of the Twenty-First Century. Winona Lake, 2002.
- Khan G.* The Neo-Aramaic Dialect of Qaraqosh. Leiden, 2002.
- Khan G.* The Jewish Neo-Aramaic dialect of Sulemaniyya and Ḥalabja. Leiden, 2004.
- Khan G.* The North-Eastern Neo-Aramaic Dialects // JSS, 2007, vol. 52.
- Krotkoff G.* A Neo-Aramaic Dialect of Kurdistan: Texts, Grammar and Vocabulary. New Haven, 1982.
- Maclean A.J.* Grammar of the Dialects of Vernacular Syriac. Cambridge, 1895.
- Mutzafi H.* The Jewish Neo-Aramaic dialect of Koy Sanjaq (Iraqi Kurdistan). Wiesbaden, 2004.

Nöldeke T. Grammatik der neusyrischen Sprache am Urmia-See und in Kurdistan. Hildesheim, 1974 [Leipzig 1868].

Odisho E.Y. Phonetic and Phonological Description of the Labio-Palatal and Labio-Velar Approximants in Neo-Aramaic // *Studies in Neo-Aramaic* / W. Heinrichs (ed.). Atlanta, 1990.

Polotsky H.J. *Studies in Modern Syriac* // *JSS*, 1961, vol. 6.

Sabar Y. *A Jewish Neo-Aramaic Dictionary. Dialects of Amidya, Dihok, Nerwa and Zakho, Northwestern Iraq.* Wiesbaden, 2002.

Studies in Neo-Aramaic / W. Heinrichs (ed.). Atlanta, 1990.

Stilo D. Iranian as Buffer Zone Between the Universal Typologies of Turkic and Semitic // *Linguistic Convergence and Areal Diffusion: Case Studies from Iranian, Semitic and Turkic* / Éva Ágnes Csató, Bo Isaksson, Carina Jahani (eds.). London, 2004.

Talay Sh. Überblick über die neuaramäischen Dialekte der Assyrer am Khâbûr (Nordostsyrien) // *Mediterranean Language Review*, 1999, vol. 11.

А.К. Лявданский

НОВОМАНДЕЙСКИЙ ЯЗЫК

1.0.0. Арамейский разговорный язык, на котором до недавнего времени говорили представители религиозно-этнической общины мандеев, в научной литературе принято называть новомандейским (далее Н.-м.я.; англ. *Neo-Mandaic*, нем. *das Neumandäische*), или современным мандейским языком (англ. *Modern Mandaic*). В Ираке и Иране мандеев называют *ṣābiʿūn* (разговорная форма *ṣubba*). Среди носителей Н.-м.я. распространен этноним *mandeyāna* (ед. ч. *mandāya* или *mandāyi*) ‘мандей’, от которого произошел лингвоним *mandāyi*. Терминологически различаются также классический мандейский, называемый *genzā* (по названию главной священной книги мандеев “*Genza Rabba*” («Великая сокровищница»), и разговорный мандейский (новомандейский) — *raṭnā* ‘диалект’ (ср. глагол RṬN ‘шептать, бормотать’ в классическом мандейском). Термином *raṭnā* также обозначается язык профанных и магических текстов мандеев, противопоставляемых в традиции классическим священным текстам. О происхождении этнонимов *ṣābiʿūn* и *mandeyāna* см. статью «Классический мандейский язык» в наст. издании.

Оценить число носителей Н.-м.я. на настоящий момент трудно. В Иране по состоянию на 2004 г. проживало от 5 тыс. до 10 тыс. мандеев; в Ираке по состоянию на конец 1990-х — начало 2000-х гг. насчитывалось от 15 тыс. до 23 тыс. мандеев. Общая численность мандеев в мире не превышает 100 тыс. чел. Принято считать, что среди мандеев моложе 50–60 лет нет носителей Н.-м.я. и что Н.-м.я. владеет лишь небольшая часть старшего поколения, предположительно около 500 чел. По сообщению Й. Бакли, последний раз посетившего Иран в 1996 г., там проживали 100–200 носителей Н.-м.я. не моложе 30 лет. В 2003 г. американский семитолог Ч. Хэберль проводил исследования Н.-м.я., работая с четырьмя информантами в возрасте около 70 лет, проживающими в США (шт. Нью-Йорк). По его сообщению, опубликованному в “*Neo-Aramaic Newsletter*” в 2007 г., в г. Сан-Антонио (шт. Техас, США) есть община носителей Н.-м.я., в которой планируется сбор лингвистического материала. Имеются сведения о недавно открытой школе в г. Ахваз (Иран), в которой детям преподают Н.-м.я. Хотя утверждения о полном исчезновении Н.-м.я. на настоящий момент не верны, этого следует ожидать в ближайшие десятилетия. Одна из главных